

Колыбельная для спящих

Марта Милоданович

Марта Милоданович

Колыбельная для спящих

<https://litres.ru/74572503>

SelfPub; 2026

Аннотация

Капитан Арвойтус Гота всегда летит на сигнал бедствия, даже если ее просят этого не делать. Особенно если просят.

Когда жизнь подкидывает загадки, собственные проблемы уходят на второй план - как спасти шахтеров, на которых уже поставили крест? Можно ли доверять тому, кто уже предавал тебя? Что делать, когда теряешь членов экипажа, ставшего тебе семьей? Стоит ли обижать того, кто прощает тебе всё?

Арви предстоит узнать, на чём держится весь обжитой космос и какую цену платит за каждый прыжок. Но труднее всего будет решить, что делать с этим знанием, когда на кону жизни тех, кого она любит.

Вторая книга космической саги "Ла Манга".

Содержание

1. Глава 1	4
2. Глава 2	19
3. Глава 3	34
4. Глава 4	48
5. Глава 5	63
6. Глава 6	74
7. Глава 7	81
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Колыбельная для спящих

1. Глава 1

— Я просто немножечко, без давления, хочу уточнить капитанский порядок принятия решений, — не то с сарказмом не то с юмором произнёс Ленни. — Вот то есть если из пустоты приходит неизвестный сигнал, мы летим к нему. А если следом приходит неизвестное предупреждение об опасности, мы летим быстрее?

Он, угловатым палочником с планеты Земля, стоял в проёме рубки, придерживаясь длинными пальцами за косяк. Экзоскелет тихо жужжал в районе коленей, компенсируя тяжесть обода. Форменная куртка инородным артефактом висела у него на локте, и непонятно было, зачем он вообще её прихватил: здесь было жарко, майка липла к лопаткам.

Арви подняла голову от расчёта.

— Предупреждение было личное. Какого черта ты вообще читаешь личные сообщения?

— Тогда всё разумно, раз это личное. Я то боялся, что у нас на борту нарушают инструкции.

Йона фыркнула в кружку и сразу сделала вид, что подавилась водой. Ленни просиял — за сорок минут пересменки он успевал увидеть её меньше, чем Арви видела собственную койку, и тратил это время с отчаянной расточительностью.

— Так то инструкция у нас одна, — с притворной серьёзностью сообщила Арви. — Капитан принимает решение, старпом загружает топливо, пилот рассчитывает, сколько туда лететь.

— А сменщик?

— Сменщик потом всем рассказывает, что предлагал решения получше.

Ленни рассмеялся и отступил от проёма, пропуская Тобиаша, — тот вошёл с планшетом и окинул рубку спокойным взглядом.

— До первого перехода двадцать две минуты. Ленни, левая смена закончилась семь минут назад.

— Я передаю Йоне важные сведения о командовании.

— Передал? Свободен.

Ленни посмотрел на Йону.

— П-передал, — подтвердила она и уткнулась в кружку.

— Жестокий корабль, — сказал Ленни. — Нигде не ценят человека, пока он здесь.

Он ушёл по ободу, и жужжание экзоскелета стихло за поворотом. Как всегда серьёзный, даже когда ситуация этого не требует, Тобиаш положил планшет перед Арви — три слепых перехода выстраивались почти ровным столбиком, между ними зияли сорокачасовые промежутки на остывание машины. Последняя точка лежала за краем знакомых карт, и сигнал оттуда больше не повторялся, хотя «Стриж» продолжал слушать его на всех доступных частотах.

На экране оставалась первая короткая запись: щелчок, выдох, длинный шелест. После неё — координаты, преобразованные бортом из формата, с которым у компьютера вышло явное недопонимание.

— Йона проверила расчёт, — сообщил Тобиаш, пытаясь вникнуть в траектории и цифры.

— Я тоже проверила, — заметила Арви.

— Поэтому я дал его Йоне.

Арви подняла на него глаза, Тобиаш невозмутимо выдержал её взгляд.

— Хорошо, — буркнула она. — А Пиц подтвердил, что узловой связи здесь уже нет?

— Подтвердил пять раз. Последние два были со специфическими выражениями.

— Значит, уверен.

Тобиаш кивнул и занял место у системного пульта. Йона поставила кружку в держатель и провела ладонями по панели, в эфире её голос зазвучал ровно и чисто.

— Переход через двадцать минут. Всем закрепить свободные предметы. Правая смена остаётся на местах до стабилизации.

По кораблю прокатились ответы — Бажена бодро рапортовала: «Машина готова», Гвидо отозвался через секунду: «Почти готова», после чего они заговорили одновременно, и Тобиаш быстро заглушил их канал.

Арви сдвинула расчёт на край панели.

«Не лети туда». Три слова держались в голове. Митр оставил после себя то, что нельзя сдать портовой службе вместе с контейнером. Разбитую губу. Ямку в камне. Его голос в узком проходе между баками. Руку, поймавшую её над шахтой. Его губы на ее шее.

Арви закрыла расчёт и открыла его снова.

Он пришёл на «Кантип» за камнем, залез в её медицинскую папку, увлёк её, используя образ человека, которого она любила шесть лет, и целовал её, уже собираясь сбежать. А теперь ещё и распоряжался, куда ей лететь.

Хуже всего было то, что она скучала — по его паузе перед прямым ответом, по спокойным рукам на ее спине, по тому, как он произносил её имя целиком. Даже злость получалась связью, от которой Митр не мог уйти через технический люк.

Дверь рубки открылась — Мик внёс кружку с водой и сел на свободное место у стены. На нём была тонкая майка Пицца, растянутая так, что рисунок на груди расплзся в ширину. Пиц был вдвое меньше и в рукавах имел другие потребности, поэтому майка держалась на Мике по чистому упорству натуральной ткани.

Мик поставил кружку на пол между ними. Вопросов у него сегодня не было.

Арви сняла ремень с крючка и пристегнулась к креслу и прислушивалась, как за минуту до перехода ровный гул «Стрижа» становился глубже. Где-то в кормовой части ото-

звалась машина, звук прошёл по ободу и лёг в зубы. Арви положила руки на подлокотники. Волосы она крепко собрала в пучок, но одна прядь выбилась. Она сдула ее уголком рта, заметила взгляд Мика и показала ему кулак.

Йона начала отсчёт.

На последних трёх секундах Арви всегда ждала толчка, хотя знала, что толчка не будет. Слепой переход выпадал из движения, как ступенька, которой ждёшь под ногой и не находишь.

Ступенька пропала.

В затылке щёлкнуло три раза. Чей-то голос выдохнул ей прямо вдоль позвоночника, протянул длинный гласный звук, и следом заговорил второй. Оба звучали далеко, через толщу воды или камня, и Арви различала паузы, обращение, ответ, хотя слова оставались чужими.

Четыре точки под кожей вспыхнули разом. Тело бросилось от них прочь — и осталось пристёгнутым к креслу.

Мик сидел у стены — колено рядом с её креслом, руки скрещены на груди — и смотрел перед собой.

Рубка вернулась целиком: панели мигнули и снова показали цифры, Йона назвала координаты, Тобиаш запросил состояние отсеков. Ответы посыпались в эфир один за другим.

Арви разжала пальцы, на подлокотниках остались влажные следы.

— Переход завершён, — спокойно сообщила Йона.

Мик подвинул кружку носком ботинка. Арви отстегну-

лась, подняла её и выпила половину. Вода была тёплая.

— Всё штатно, — сказал Тобиаш, когда доклады закончились.

Арви кивнула. Голоса исчезли вместе с пропущенной ступенькой, но под рёбрами всё ещё тянуло, словно она долго бежала.

— Начинаем остывание, — громко произнесла она. — Сорок часов.

* * *

Через шесть часов радиаторы стали тёмно-красными.

Их было видно на внешних камерах, по обе стороны кормы, и Пиц вывел изображение на экран в кают-компании, чтобы все прониклись ответственностью, но никто не проникся. В жилом обode жара поднялась ещё на три деления, форму окончательно бросили на спинки кресел, а Мару объявила, что до следующего перехода будет носить только майку и трусы.

— Прошу отметить жертву в журнале, — отозвался Лени, — и на Тессе премировать отдыхом в лучшем баре.

Он сидел на полу, вытянув ноги в экзоскелете вдоль стола. Перед ним лежало поле игры из шести колец, соединённых узкими переходами. Игра называлась «Контрабандисты»: нужно было провести груз от внешнего кольца к центру, покупая проходы, подкупая порт и подсовывая соперни-

кам пустые контейнеры. Пиц утверждал, что правила не имеют отношения к его делам. За десять минут он обманул всех троих и потребовал плату за воздух на четвёртом кольце.

— Воздух общий, — возмутился Эйсар, сидевший у стены, чуть отодвинувшись от остальных. Термальный узор на шее потемнел от жары.

— В жизни общий, — быстро объяснил Пиц. Двумя руками он двигал фишки, третьей держал стакан, четвёртой пересчитывал жетоны. — В игре мой. Я купил фильтры.

— Сам у себя?

— Хорошая сделка не становится хуже от состава участников.

Мик перевернул карточку и прочитал:

— «Проверка грузового манифеста. Владелец трёх и более контейнеров теряет ход».

Пиц собрал свои фишки сразу четырьмя руками.

— Эта карточка испорчена.

— Карточке шесть лет, — сказала Арви с порога.

— Все шесть лет испорчена, — огорчённо заныл Пиц.

На Мике по-прежнему была майка Пица. Арви уже собиралась спросить, где он опять растерял собственную одежду (обычно он просто брал первое попавшееся из стирки, но куда девал свое, было загадкой), когда в кают-компанию вошла Ирма с двумя мягкими свёртками под мышкой.

— Дайничик, — позвала она.

Мик поднял голову.

— Я ничего не делал.

— Именно это говорят люди, которых приходится лечить дольше всего. Встань.

Мик послушно выбрался из-за стола, и Ирма сунула ему первый свёрток. В нём оказался тёмно-синий свитер — длинный, плотный, с широкими манжетами, во втором — серо-зелёный, тоньше, с высоким воротом.

— Купила на Тессе, — сказала Ирма. — Оба твоего размера. Твой размер — это когда плечевой шов находится на плече.

Мик развернул синий свитер и посмотрел на неё.

— Зачем два?

— Один ты испортишь.

— А второй?

— Потеряешь.

Мару расхохоталась так громко, что затряслись и тело, и стол. Пиц положил фишки и потянулся к серо-зелёному свитеру.

— Хорошая ткань. Могу провести оценку.

Ирма ударила его свёрнутым рукавом по руке выше локтя.

— Оценишь из медотсека.

— Там прохладнее.

— Уже нет.

Мик натянул синий свитер поверх майки. Ткань села ему точно по плечам, рукава дошли до запястий. Он распрямился, насколько позволяла привычка сутулиться, и повернулся

перед Ирмой.

— Ну?

— Сними, пока тепловой удар не получил.

— Ты сама велела надеть.

— Я велела встать.

Мик снял свитер, аккуратно сложил оба на свободном стуле и поцеловал Ирму в сухую щёку. Она оттолкнула его очками, которые держала в руке, и села на его место.

— Я поиграю за тебя, пока ты готовишь ужин.

— Но я так хорошо сегодня играю, — возразил Мик.

— Ты проигрываешь Пицу грузовой отсек.

— Это я так его отвлекаю.

— Успешно, как же, — сказал Эйсар. — Он уже забрал весь твой воздух.

Мик ушёл на камбуз, и через минуту оттуда донёсся грохот крышки. Тула собрала свои карточки и отправилась следом. Арви видела через открытый проём, как она остановилась у рабочего стола и сказала что-то тихо. Мик, слушая, продолжал резать брусок концентрата, а Тула говорила дольше, чем обычно, потом забрала у него кусок сушёного яблока, получила второй и вернулась к игре.

Позже туда пришёл Ксан. Он проверил ладонью столешницу, сел с краю и молча выпил то, что Мик поставил перед ним. Потом появился Нури, которому требовалась горячая вода и слушатель для жалобы на Ирму. Ирма сидела в трёх шагах и слышала каждое слово.

— Она запретила мне петь в медотсеке, — сказал Нури.

— Я запретила тебе петь одну песню, — отозвалась Ирма.

— Это невыносимое нытье группы Мойнаки.

— Она новая и грустная. В этом её чистота.

— В этом её уголовный состав, — буркнула Ирма, не отвлекаясь от игры.

Мик налил ему воды и добавил что-то из маленькой банки, после чего Нури понюхал кружку.

— Это что?

— Для голоса.

К вечеру в кают-компании побывали все, кроме Бажены и Гвидо, которые по очереди дежурили у машины и спорили в общем техническом канале о скорости охлаждения. Мик кормил, разливал воду, находил потерянные жетоны и дважды возвращался в игру, каждый раз обнаруживая, что Пиц продал его контейнеры.

Арви сидела на краю стола и смотрела, как её экипаж потеет, смеётся и ругается из-за нарисованного порта. Тёмно-красные радиаторы висели на экране за их спинами. До следующего перехода оставалось тридцать два часа.

* * *

Второй переход пришёл посреди правой смены.

Арви поспала три часа, приняла утренние таблетки и вернулась в рубку раньше Тобиаша. Мик уже был там. Новый

серо-зелёный свитер лежал у него на коленях, потому что надевать его при нынешней температуре мог только человек с намерением попасть к Ирме.

— Ты его охраняешь? — спросила Арви.

— В каюте Пиц, он же мне его перепродает потом.

— Разумно.

Мик свернул свитер плотнее и убрал под кресло. Арви проверила ремень, связь и положение корабля. Точка сигнала приблизилась, но на карте всё ещё висела одна, без узла, станции, отметки маршрута или предупреждающего маяка.

«Не лети туда».

Она могла представить Митра в момент, когда он писал. Одна рука в лубке, чужой коммуникатор, технический переход Тессы. Он знал, что она полетит, потому и написал именно так, без надежды, доказательств и просьбы ответить.

Злость помогла пережить отсчёт.

Пропущенная ступенька ушла из-под ноги, и голоса ударили со всех сторон.

Их было около десятка. Один щёлкал быстро, другой тянул звуки, третий повторял короткую последовательность. Они перебивали друг друга и снова сходились. Через этот шум пробивался слабый высокий голос, зовущий кого-то издалека.

Арви дёрнула ремень на груди. Воздух входил коротко и застревал под рёбрами. Чужое внутри неё отозвалось на каждый голос, четыре узла зажглись от поясницы до затылка.

Ей хотелось выскрести их из себя вместе с кожей и нервами, оставить на кресле и отойти.

Рядом скрипнула подошва Мика. Он пересел ближе, на пол у её кресла, и опёрся спиной о панель. Его плечо оказалось возле её колена.

Ступенька вернулась. Голоса оборвались.

Мик достал кружку из держателя и отдал ей.

— Свитер помнёшь, — сказала Арви.

— Он переживёт.

— Ирма тебя убьёт.

— Тогда ей придётся признать, что второй был лишним.

Он остался на полу до конца проверки систем, а Арви пила воду маленькими глотками и смотрела на карту. Точка сигнала была впереди, а позади лежали два слепых перехода и Тесса, до которой уже нельзя было докричаться.

* * *

За вторые сорок часов жара стала частью корабля.

Спали поверх простыней, воду носили с собой, волосы Арви окончательно рассыпались по плечам и спине — в жару это было ужасно неприятно, и она попросила Ирму заплести ей тугие косы. Эйсар сидел в самом прохладном месте у медотсека, и его обходили шире обычного. Бажена работала в короткой майке, открывавшей тяжёлые плечи, и никого на борту уже не занимало, сколько на ком одежды.

Гвидо повесил на дверь их общей каюты записку: «ПРАВЫЙ РАДИАТОР ОТСТАЁТ НА ДВА ДЕЛЕНИЯ».

Бажена дописала снизу: «ДАТЧИК ВРЁТ».

Через час появилась третья строка: «ДАТЧИК ПРОВЕРЕН».

Бажена зачеркнула её и написала: «ПЛОХО».

Мик перенёс «Контрабандистов» на камбуз, где вентиляция тянула чуть сильнее. Йона играла осторожно и за двадцать минут накопила жетонов больше всех. Ленни всякий раз, когда она покупала проход, предлагал ей совместное предприятие, а она краснела, отказывалась и забирала его груз за долги.

— У тебя талант к переговорам, — сказал Мик.

— Я ей поддаюсь.

— Да-да, ты отдал ей три контейнера.

— Вот видишь.

Пиц объявил, что Ленни разоряет игру романтическими мотивами. Тула в ответ возопила, что Пиц разоряет её бухгалтерией. Нури тихо запел про «твой сингулярный вечный голод», и Ирма запустила в него свёрнутой карточкой.

Арви засмеялась вместе со всеми и громко пообещала всех страждущих отвезти на Сиваш на концерт популярной группы, которую спонсировал картель Мойнаки. На несколько минут Митр исчез из головы, карта оставалась в рубке, голоса ждали следующего перехода. Мик пододвинул ей миску, не прерывая спор с Пицем о плате за причал. Она съела

всё и не сразу заметила, что тарелка опустела.

Перед третьим переходом никто уже не шутил про сигнал.

Радиаторы остыли до рабочего предела. Бажена подтвердила готовность машины, Гвидо — готовность датчиков. Команда разошлась по местам, и в обode стало тихо.

Мик пришёл в рубку в синем свитере.

— Ты болен? — спросила Арви.

— Здесь холоднее.

В рубке было на полделения прохладнее, чем в коридоре.

— Сними.

Он снял свитер, сложил его и сел рядом с её креслом.

Йона повела отсчёт.

«Не лети туда», сказал Митр у неё в голове.

Арви положила ладонь на ремень. Точка сигнала стояла прямо по курсу.

Ступенька исчезла.

Голоса заполнили всё расстояние от поясницы до затылка. Их были десятки, потом больше. Низкие и высокие, быстрые, тянущиеся, едва слышные. Они говорили одновременно, сходились в один долгий звук и рассыпались снова. Среди них повторялся щелчок из сигнала, тот самый выдох, тот самый шелест.

Арви закрыла глаза. За веками молочный свет шёл по острым ветвям, вросшим в её тело. Каждый узел отвечал множеству голосов, и на короткий миг они звучали совсем близко, словно стояли по другую сторону тонкой переборки.

Мик сидел у её ног.

Переход закончился. Рубка вернулась с гулом вентиляции, светом панелей и голосом Йоны, называвшей координаты.

Арви открыла глаза. На карте точка сигнала стала крупнее. До неё оставался обычный ход.

Мик поднял с пола кружку и собрался подняться. Арви накрыла кружку ладонью.

— Побудь здесь, — попросила она, прикрывая глаза.

Мик кивнул и открыл на планшете изображения планеты Сиваш — розовой, выкупленной картелем Мойнаки для съёмок клипов, отдыха топ-менеджмента, рекламы и концертов. Местные до сих пор спорят, осталось ли там хоть что-то не розовое, кроме налогов. Мысленно он уже был на том концерте и пел вместе с Нури новые песни группы.

2. Глава 2

Из звуков в рубке остались только гул вентиляции и частое постукивание пальцев Ленни по подлокотнику.

Обзорный экран посерел, потом собрал звёзды. Йона наклонилась к панели. К её виску прилипла выбившаяся из-за уха прядь коротко стриженных волос.

— Расхождение с расчётной точкой четыре тысячи восемьсот километров, — доложила она чистым эфирным голосом. — Скорость в пределах, объект вижу, дистанция двадцать две тысячи.

Точка на экране разрослась в неровное тёмное тело, и Арви сначала приняла белёсую полосу на краю за освещённый склон. Потом Йона увеличила изображение, и полоса распалась на фермы, баки и низкие корпуса. Станция распласталась по камню, обхватила его трубами и грузовыми галереями. Атмосферу над посёлком удерживало старое гравитационное поле — воздух лежал тонким слоем, почти видимым, и обрывался всего в нескольких сотнях метров от построек. Несколько строений торчали прямо из склона. Над ними поднималась башня частного узла, слишком крупная для такого места.

В рубке все замолчали. Они летели к сигналу бедствия, трижды проваливались в слепой переход и ожидали увидеть повреждённый корабль, погасшие отсеки, обломки. Перед

ними висел мёртвый планетоид со станцией, крепко державшейся за его бок.

— У этой скалы лицо как у человека, которому мы должны денег, — сказал Ленни.

Йона опустила глаза к панели, но уголок её рта дёрнулся и выдал улыбку, которую она прятала.

Арви настолько сосредоточилась, что не засмеялась. На внешних камерах горели посадочные огни, а вдоль дока ровными рядами, как праздничные светляки, шли зелёные метки. Станция видела их, отвечала на запросы и уже передавала коридор сближения.

— Название подтвердили? — спросила она.

— Да, это «Оорт Депот», какая-то малоизвестная добывающая станция. Регистрация действующая, — Йона провела пальцами по экрану. — Они говорят, что сигналов бедствия не подавали.

— Запись им отправили?

— Да.

— И?

Йона помедлила уже вне эфира.

— Говорят, с-сбой старого маяка.

У Арви слегка тянуло между лопатками после перехода, поэтому она упёрлась ладонью в край панели. Запись сигнала лежала в системе «Стрижа»: щелчок, выдох, шелест и координаты. Старые маяки умели ломаться множеством интересных способов, но обычно они выдавали обрывок кода,

ложную отметку, непрерывный визг. Этот же словно пытался дышать.

— Заходим, — сказала Арви. — Йона, стыковка твоя. Ленни, сиди рядом и старайся не задолжать планетоиду ещё больше.

— Все нормально, капитан. Они уже видели наш борт и понимают что взять с нас нечего.

«Оорт Депот» принял их с первого захода. Захваты мягко, без скрежета, легли на стыковочное кольцо, внутренний рукав подался навстречу точно по оси. Арви ждала поправки давления, повторной проверки замка или хотя бы ругани в служебном канале. На «Кантипе» даже до аварии стыковка начиналась с двух неработающих датчиков и техника, который бил по створке ногой. Здесь же зелёные огни зажглись один за другим, и внутренняя дверь открылась в назначенную секунду, будто немного кичась точностью и порядком.

В шлюзе одновременно приятно и резко пахло свежей краской: двери, похоже, перекрасили совсем недавно, а серые стены сверкали, будто их вымыли буквально сегодня утром. Поручни смазаны, под решётчатым полом не валялось ни малюсенького кусочка провода, не было ни единого сорванного крепления. Даже жёлтая полоса вдоль дверей шла ровно, без потёртостей от грузовых тележек.

Бажена присела у стыка и провела коротким толстым пальцем по краю уплотнителя. На перчатке осталось прозрачное масло.

— Да не бывает так, чтобы у шахтёров чистота и порядок, не бывает!

Её браслет пискнул. Бажена прочла записку и протянула Арви руку. Гвидо прислал два слова: «Бажена права».

— Сохрани, — хмыкнула Арви. — Второго такого случая не будет.

Ксан стоял у внутренней створки станции. Перед выходом он коснулся заклёпки на «Стриже», потом нашёл глазами ближайшую на чужой стороне и тронул её тоже.

— Две сразу? — спросила Мару.

— Эта станция мне очень, очень не нравится.

Мару поправила ремень сумки с аварийным комплектом. Лицо у неё оставалось невозмутимым, а мышцы уже напряглись сами собой, и тело было готово ко всему — бить, бегать.

Внутренняя дверь ушла в стену. За ней ждала женщина в тёмном костюме с высоким закрытым воротом. Волосы лежали гладко, словно она только что вышла от мастера красоты на Тессе, и ни одна прядь не выбивалась у виска. Рядом стояли двое работников станции в чистых серых комбинезонах. Оба смотрели на «Стриж», потом быстро отводили глаза.

— Капитан Гота, — с изумительно скользкой теплотой протянула женщина. — Сотина Базилика, директор «Оорт Депот». Добро пожаловать. Надеюсь, переход прошёл благополучно.

Улыбка была безупречной, а глаза оставались внимательными и холодными.

— Три перехода, — ответила Арви. — Последний был особенно гостеприимным.

Сотина перевела взгляд на Мару и Тулу и задержала его на аварийных сумках.

— Вы напрасно проделали такой путь. Нам очень жаль, что неисправность маяка подняла спасательную службу.

— Мне тоже будет жаль, если окажется, что мы зря потратили неделю.

— Давайте обсудим это за кофе.

Пиц выскользнул из-за спины Арви прежде, чем она успела решить, брать ли его с собой. Две его руки придерживали планшет, третья уже махала человеку у грузовой консоли, четвёртая показывала на складские маркировки.

— Мне нужен ваш завхоз, полные остатки по воздуху, воде, медицинским смесям и инструменту, отдельно по батареям, фильтрам и крепежу. Вы тут что добываете и кто у вас полезен при аварии?

Работник у консоли растерялся.

— Завхоз в грузовом секторе.

— Отлично, ведите меня к нему.

Пиц ушёл с ним вдоль дока, продолжая спрашивать на ходу.

Мик вытянул шею, рассматривая указатели над дверями.

— А кухня где?

Сотина впервые посмотрела на него с удивлением.

— Второй коридор, помещение двести восемнадцать.

— Мне надо знать, сколько людей мы сможем кормить, если здесь всё-таки есть кого спасать.

— У нас есть собственное снабжение.

— Тогда я быстро.

Он сутулился даже под высокой станционной притолокой. Серо-зелёный свитер Ирмы висел на нём свободно, рукава были закатаны неровно.

— Ксан остаётся у шлюза, — распорядилась Арви. — Баж, проверь соединение. Мару, Тула, со мной.

Сотина повела их по широкому коридору. Светильники горели все до одного, двери открывались сразу, вентиляция работала тихо, а панели доступа были закрыты и опломбированы. На свежей краске у пола сохранились следы валика, зато царапины от тележек уже успели прорезать верхний слой.

Навстречу попались трое шахтёров. Они поздоровались с директором, пропустили гостей и заговорили между собой лишь через несколько шагов. Арви не разобрала слов. Один оглянулся. Сотина тоже заметила и мягко пожелала им хорошей смены. Разговор прекратился.

Кофе ждал в комнате с длинным столом. Стену целиком занимал экран со схемой планетоида: верхние корпуса, шахтные стволы, сеть тонких линий внутри камня. Нижняя часть схемы была свёрнута.

Сотина сама разлила кофе. Чашки были одинаковые, белые, без сколов. Арви взяла свою и не стала пить.

— Мы проверили журнал после вашего запроса, — сказала Сотина. — Старый резервный маяк дал единичный выброс. Его уже отключили.

— Какой маяк?

— Установленный предыдущим владельцем. Документация сохранилась частично.

— Где он находится?

Сотина коснулась схемы, и в глубине планетоида появилась жёлтая точка.

— В нижнем техническом горизонте. Участок сейчас закрыт.

— Почему?

— Плановое обслуживание.

Пол едва заметно дрогнул. Кофе в чашке пошёл мелкой рябью, а ложка у Тулы звякнула о блюдце. Сотина с прежней улыбкой переждала толчок.

— Обычная сейсмика, у нас так каждые три месяца.

Мару поставила чашку.

— Станция на добывающем планетоиде. Вы не ведёте работы во время толчков?

— Автоматика останавливает опасные участки.

— Сейчас остановила?

— Да.

Сотина ответила слишком быстро, потом посмотрела на

Арви, проверяя, хватило ли этого. Так же она говорила про маяк и закрытый горизонт. Формулировки были гладкими, отработанными, а взгляд каждый раз возвращался к лицу собеседника. Она не верила ни одному своему слову.

— Нам понадобится журнал маяка и доступ к точке, — сказала Арви.

— Служебные зоны принадлежат компании. Я могу передать вам заверенную копию журнала. Этого вполне достаточно, чтобы закрыть вызов.

— Сигнал пришёл в формате срочной сводки Дальней спасательной службы. Источник мы должны проверить на месте.

— Источник отключён.

— Значит, мешать не будет.

Сотина сложила руки на столе.

— Капитан, на станции нет пострадавших. Жизнеобеспечение исправно. Рабочий цикл продолжается, персонал обеспечен всем необходимым. Ваш корабль потратил огромные ресурсы, и я понимаю ваше желание придать этому полёту смысл. Компания готова компенсировать топливо и время стоянки.

— Хорошее предложение.

— Рада, что вы это понимаете.

— Счёт Пиц пришлёт. После проверки.

Сотина удержала улыбку, а Мару рядом тихо втянула воздух носом и принялась рассматривать схему.

Браслет на запястье Арви разом завибрировал, и экран заполнился значками входящих сообщений: счётчик прыгнул с нуля до сорока, потом выше. За неделю в глухой зоне накопились вызовы с Тессы, письма от Аюды и Ивы, портовые уведомления, документы комиссии, страховка, банк. Общий канал «Стрижа» ожил, кто-то на борту выругался от неожиданности.

Тула проверила свой браслет, а у Мару сообщения сыпались сплошной лентой.

— У вас узел, — сказала Арви.

— Частный, — с утрашающим дружелюбием ответила Сотина. — Только для производственных нужд.

Её глаза скользнули по именам на экране Арви и на долю секунды задержались на отметке Тессы.

— Хорошие новости с Тессы?

Арви погасила экран.

— Новости подождут.

— Разумеется.

Сотина отпила кофе. Вопрос прозвучал легко, почти участливо, но на Арви она теперь смотрела ещё внимательно.

— Мне нужно подготовить допуск в нижний горизонт, — сказала директор. — Это займёт некоторое время. Можете осмотреть общие зоны станции. Через двадцать минут вас проводят обратно.

— Через двадцать минут мы вернёмся сюда за допуском.

— Я свяжусь с вами.

В коридоре Тула дождалась, пока дверь комнаты закроется.

— Она собирается дать доступ?

— Собирается занять нас на двадцать минут, — сказала Арви. — Посмотрим, что успеет сделать.

Сообщение Пица прилетело сразу: он аккуратно попросил спуститься в грузовой сектор и добавил, что местный завхоз «полезный, хотя цены понимает неправильно». Арви отправила Мару вперёд, сверилась с указателем и пошла к грузовым лифтам.

Мик нашёл их на пересечении коридоров. Он нёс закрытый контейнер с пробами еды и выглядел оскорблённым.

— Тут не готовят, это показательная кухня.

— Что увидел?

— Четыре плиты и все чистые. Духовка будто только что из магазина. Ножи висят точно по размеру, и главное, на досках почти нет следов. В холодильнике подписанные порции, всё сегодняшним числом. Людей кормят из упаковок, потом раскладывают оборудование для проверки.

— Может, повар любит порядок.

— Повара обычно любят, когда сковорода хоть раз видела жир.

Он пристроился рядом с Арви. Схема эвакуации на стене у лифта была свежая, но угол уже отходил, и кто-то подклеил его прозрачной лентой.

В грузовом секторе порядка было меньше. Между контейнерами стояли тележки, на полу тянулись чёрные следы колёс, в воздухе пахло металлом и горной пылью. Здесь станция наконец напоминала место, где работали.

Пиц сидел на краю низкого ящика рядом с местным завхозом. Двумя руками он держал планшет, третьей — чашку, а четвёртой указывал на таблицу запасов. Увидев Арви, он спрыгнул.

— Воздуха у них много, воды достаточно, медицина закрыта отдельным реестром, батареи меняли неделю назад, фильтры хорошие, но они считают, что хорошие фильтры должны стоить столько, сколько новый катер. И ещё с тобой хочет поговорить человек.

Завхоз посмотрел в сторону прохода между штабелями. Там ждал старый тяж в рабочем комбинезоне — низкий, широкий, с обветренным лицом и пылью, въевшейся в складки у глаз. Шлем он держал под мышкой, спокойно положив на него руки.

— Пять минут, — сказал завхоз. — Я ничего не слышал. И увёл Пица к дальнему стеллажу.

Старый шахтёр дождался, пока мимо проедет тележка.

— Вы правда спасатели?

— Дальняя служба. Сигнал пришёл отсюда.

Он облизнул потрескавшуюся губу.

— В нижних горизонтах ходит кто-то, кого не видно, но слышно.

Мару перестала улыбаться.

— Что слышно? — спросила Арви.

— По выработке идёт. Останавливается за спиной. Иногда щёлкает. Люди поворачиваются, там пусто. Камеры пустые тоже. — Он говорил ровно и тихо. — Двое отказались спускаться. Одного перевели наверх. Второго увезли.

— Когда началось?

— После последнего вскрытия.

— Чего именно?

Шахтёр глянул за плечо. В проходе никого не было.

— Спросите директора. Она любит вопросы.

— Не хочет она с нами разговаривать. Были аварии?

— Резаки глохнут, свет пропадает, подъёмник встал между уровнями. Толчки стали чаще. Нам говорят, всё по графику.

От него пахло пылью, потом и крепким станционным мылом. Взгляд оставался ясным. Он понимал, где находится, кому говорит и чем рискует.

Арви вспомнила фигуры в трюме «Стрижа»: серые тела между креплениями и руку, ушедшую сквозь крышку контейнера. В затылке коротко кольнуло.

— Кто ещё это слышал?

— Половина смены. Но говорить об этом не особо хотят, сами понимаете. А еще у нас внизу люди застряли, но про это тоже говорить нельзя.

В дальнем проходе появилась женщина в чистом комби-

незоне. Шахтёр надел шлем.

— Я вас не видел, начальница.

Он ушёл к грузовому лифту. Арви проводила его взглядом и ничего не сказала про фигуры.

— Он трезвый, — произнесла Мару.

— Да.

Тула нахмурилась.

— И нормальный.

— Да.

Пиц подбежал к ним, прижимая планшет к груди.

— Завхоз говорит, нижние склады закрыли после отказов техники. Официально профилактика. Люди просят батареи, ручные фонари и механические замки. Механические, Арви. Здесь всё работает, а они хотят засовы.

Браслет снова завибрировал. На этот раз вызывала Сотина.

— Капитан Гота, допуск потребует согласования с владельцем. Сегодня пройти в нижний горизонт не получится.

— Тогда мы подождём до завтра.

Пауза длилась меньше секунды.

— Подобная задержка совершенно излишня.

— Для нас нет.

— В таком случае прошу вернуться в док. Обсудим порядок стоянки.

Связь прервалась.

К шлюзу они шли вместе: Мик нёс контейнер, Пиц на ходу

изучал стационарные цены, Мару с Тулой держались по сторонам. Люди уступали им дорогу и смотрели вслед. Дважды Арви ловила чужой взгляд, и оба раза человек отворачивался к стене или к браслету.

Сотина встретила их, когда до дока оставался один коридор. Рядом с ней никого не было. Причёска была всё так же безупречна, улыбка тоже.

— Надеюсь, вы нашли всё необходимое.

— Нашла достаточно, чтобы остаться.

— Я уже объяснила положение. Компания ценит работу спасателей, но здесь спасти некого.

— Я проверю сигнал и уйду, если он окажется сбоем.

— Доступ к производственным зонам регулируется владельцем.

— Я подожду согласования.

— Частный узел не предназначен для гостевого трафика. Стоянка ограничена. Снабжение вашего корабля станция обеспечивать не обязана.

— У нас всё с собой.

Они остановились у шлюза. За прозрачной вставкой Ксан стоял возле внутренней двери «Стрижа» и держал ладонь на своей заклёпке. Бажена сидела на корточках у стыковочного кольца. Увидев Арви, она показала большой палец: соединение держалось.

Сотина окинула взглядом всю группу, сумки Мару и Тулы, контейнер Мика, четыре руки Пица с планшетом.

— Желаю вам удачи, капитан Гота.

— Спасибо.

Арви вошла в шлюз последней. Створка станции закрылась плавно и бесшумно, отрезав Сотину с её улыбкой. Ксан запустил выравнивание давления.

Мик поставил контейнер на пол.

— Она нам не рада.

Арви посмотрела через маленькое окно в створке. Сотина ещё стояла снаружи и ждала, пока погаснет зелёный огонь над шлюзом.

— Она нам не верит. И, кажется, за ней стоит кто-то мощный.

3. Глава 3

Сотина Басилика приняла их в восемь по станционному времени в кабинете над диспетчерской. Одна стена здесь была стеклянной, и за ней внизу двигались погрузчики. Директор сидела прямо; волосы у неё лежали так же гладко, как вчера, ворот костюма был застёгнут до подбородка. Она предложила Арви кресло, но Арви села на подлокотник.

— Вы обдумали предложение, — не спросила, а уверенно сообщила Сотина. — Компенсация за переход и топливо в полном объёме. Мы понимаем, что маяк ввёл вас в расходы.

— Я представитель Дальней спасательной службы. — Арви положила на стол браслет экраном вверх, чтобы директор видела карточку лицензии. — Вызов пришёл с вашей станции. Спасатель имеет право осмотреть место, откуда пришёл вызов, даже если администрация считает его сбоем. Если осмотра не будет, я пишу в Службу отказ в допуске, и следующий борт придёт к вам уже со страховой.

Сотина посмотрела на браслет, потом на Арви. Губы у неё сложились в ту же безупречную улыбку, что и вчера, а глаза остались внимательными и не потеплели.

— Разумеется, — сказала она. — Мы всегда рады сотрудничеству со Службой. Но нижний технический горизонт сейчас на обслуживании, туда я вас пустить не могу физически, подъёмник не идёт ниже девятого. Рабочие горизонты

— пожалуйста. Я дам вам сопровождающего.

— Вы сказали, маяк стоит в нижнем техническом.

— Стоит. Вы увидите, откуда идёт кабель. — Сотина нажала что-то на столе. — Инструктаж в девять. Шлемы и страховка наши, у нас свои требования.

Арви забрала браслет. Уже у двери до неё дошло, что настраивание директрисы она так и не разгадала.

* * *

Тобиаш выслушал её по каналу молча.

— Кто идёт? — спросил он.

— Мару, Тула. Ксан на шлюзе шахты. Я иду сама.

Он ещё немного помолчал.

— Обычно на канале сидишь ты.

— Обычно я знаю, куда их посылаю. — Арви застегнула куртку и сдула с лица прядь. — Мне надо видеть, Тобиаш. Я слышала эту запись раз сорок. Я хочу посмотреть на место, где она кричала.

— Канал держу я, — сказал он тем же ровным голосом.

— Каждые десять минут отметка, иначе поднимаю.

Инструктаж вёл сопровождающий — молодой инженер по безопасности в чистом сером комбинезоне. Планшет он держал обеими руками, как поднос. Двадцать минут читал с экрана то, что и так было написано на стенах: пояс пристёгивать к поручню клетки, в выработке не отставать, при потере

света стоять на месте и ждать, при толчке садиться у стены. Тула зевнула, не прикрываясь. Мару спросила, как часто бывают толчки, и он, не поднимая глаз, сказал: «По графику».

К шлюзу верхнего горизонта шли через три люка. Перед каждым, прежде чем створка уходила в стену, Ксан касался пальцем ближайшей заклёпки. Инженер это видел. На втором он открыл рот, но, посмотрев на лицо Ксана, спрашивать не стал.

У шлюза Ксан остановился.

— Я здесь, — сказал он. — Если связь пропадёт, я дохожу до клетки и жду. Ниже не иду.

— Никто не просит.

— Я говорю, чтобы ты знала. — Он тронул заклёпку у рамы. — Возвращайся.

* * *

Клеть оказалась решётчатой коробкой на четверых с половиной. Сопровождающий встал у пульта, Мару — у двери, Тула прислонилась спиной к решётке, а Арви досталось место в углу, где из-под пола дуло. Карабины щёлкнули по поручню. Клеть дёрнулась и пошла вниз.

Первые горизонты клеть миновала быстро. Мимо проплывали освещённые площадки с жёлтой разметкой, тележки, люди в касках, кто-то махнул рукой. Потом свет стал реже. Между площадками тянулась голая порода, тёмно-серая, в

мелких искрах, и лампы на клетки выхватывали её полосой шириной в ладонь.

На пятом Арви заметила первую жилу. Она наискось шла по стене шахты — молочная, с неровными краями, толщиной в руку, — и на мгновение, когда клеть проходила мимо, внутри жилы что-то блеснуло, как блестит вода под тонким льдом. Потом жила ушла вверх.

— Это вы добываете? — спросила Арви.

— Это тоже, — ответил инженер. — Основное в отчётах.

Браслет на её запястье показал фон. Цифра была нормальная, потом выросла вдвое, потом упала до нуля и полминуты держалась на нуле, будто вокруг вообще не было камня. Арви повернула запястье к Мару. Та посмотрела на свой браслет, хмыкнула и показала: у неё стоял ровный потолок шкалы.

— Врёт, — сказала Мару весело. — У меня он в последний раз так врал на «Кантипе».

— Здесь все врут, — сказала Тула, глядя на инженера.

Тот сделал вид, что считает горизонты.

На седьмом лампы клетки мигнули раз, потом другой. Во второй раз темнота продержалась дольше, секунды три, и в эти три секунды Арви слышала, как стонут тросы наверху и как Мару медленно выдыхает сквозь зубы. Когда свет вернулся, Тула уже держала в руке фонарь, хотя клеть шла дальше.

Воздух становился тяжелее. Жарко не было, но каждый

вдох приходилось будто протаскивать сквозь ткань. Пахло каменной пылью и маслом, а под этим стоял ещё один запах, сладковатый, как у нагретой смолы. Арви почувствовала, как у неё на затылке стягивается кожа, словно кто-то провёл по ней холодной рукой против роста волос.

Жилы теперь шли чаще. Они ветвились, сходились, уходили вглубь и выходили снова, и местами порода между ними казалась тоньше их самих. Клеть проходила мимо, лампы скользили по молочным краям, и в жилах опять вспыхивало и гасло. Мигание ламп тут было ни при чём: свет внутри загорался раньше, чем на них падал луч.

— Девятый, — сказал инженер. — Ниже не идём.

Клеть встала, и её качнуло так, что всех четверых мотнуло к решётке. Арви ударилась плечом и не почувствовала.

* * *

Выработка на девятом была длинным низким коридором с креплениями через каждые два шага. Фонари на касках у шахтёров горели впереди, метрах в сорока, и оттуда шёл ровный гул резака. Инженер провёл их по настилу, указывая рукой в перчатке на стену.

— Кабель маяка идёт здесь. Вниз, на технический. Видите, опломбирован.

Кабель был толстый, старый, в потрескавшейся изоляции, а пломба на коробке — свежая. Мару сфотографировала её

браслетом, но снимок вышел чёрным. Мару щёлкнула ещё раз — опять чернота, только в углу кадра шла какая-то полоса.

— Прекрасно, — сказала Мару. — Запишем от руки.

Бригада резала жилу. Их было пятеро, все в касках и масках: двое держали резак, остальные подбирали вырезанное в ящик. Жила здесь выходила на поверхность стены широко, почти во весь рост, и была похожа на застывшую молочную волну. Когда Арви подошла, старший бригады снял маску, кивнул сопровождающему, а на неё долго посмотрел.

— Дальняя спасслужба, — пояснил инженер. — Осмотр. Продолжайте, не отвлекайтесь.

— Мы и не отвлекаемся, — сказал старший.

Резак снова вошёл в жилу.

Это пришло сразу, со всех сторон и изнутри. Арви не слышала звука. В ушах гудел только резак, чуть выше, чем раньше, и Мару говорила что-то Туле. Но её прошло насквозь, от поясницы до затылка, и прошло смыслом, которого она не могла бы сказать ни на одном языке. Там было «больно», и было «режут», и было «не надо», и все эти слова оказались маленькими и неточными рядом с тем, что билось сейчас у неё в костях. Это кричало. Оно кричало так, как кричит ребёнок, у которого в лёгких больше нет воздуха, а крик всё идёт, беззвучно, одним рвущимся напряжением горла.

Она выбросила руку вбок и нашла стену. Под перчаткой

оказался шершавый, тёплый камень, а почти сразу — гладкий край жилы. Там, где ладонь легла на жилу, стало хуже. Крик пошёл через руку, через плечо, в грудь, и в груди перестало открываться. Арви тянула воздух, но воздух стоял у губ и не шёл дальше.

Резак визжал. Кто-то из шахтёров смеялся коротко и хрипло над чем-то своим. Она убрала ладонь с жилы, переставила её на голый камень и держалась, пока колени не перестали подгибаться. Потом вдохнула — рвано и мелко, но воздух дошёл до дна.

Резак вышел из жилы. Кусок молочного камня с неровными краями отвалился в ладони шахтёра, и крик оборвался не сразу: он стих медленно, как стихает звон после удара. Потом осталось тихое, долгое, жалобное, почти на пределе, и в этом было хуже всего: оно не кончилось, оно просто стало тише.

— Арви. — Мару стояла рядом, заглядывала ей в лицо под козырёк каски. — Ты зелёная. Укачало? В клети трясло так, что у меня зубы стучали.

Арви кивнула. Говорить она ещё не могла.

— Воды? — Мару уже расстёгивала сумку с аварийным комплектом.

Арви взяла флягу и сделала несколько маленьких глотков. Вода была тёплая и пахла пластиком. Она держала флягу обеими руками, чтобы не было видно, как они трясутся.

— Клеть, — сказала она наконец. — И воздух. Сейчас

пройдёт.

— Тебя же никогда не укачивает, может подхватила заразу какую-то, — с тревогой спросила Тула, глядя на Арви.

Она стояла в двух шагах, скрестив руки, и смотрела на Арви так же, как недавно на инженера.

— Значит, начала. Возраст.

Мару засмеялась и защёлкнула сумку с аварийным комплектом. Тула не засмеялась. Она перевела взгляд на жилу, на кусок камня в ящике, потом снова на Арви, и ничего не сказала.

Резак опять взвыл, и Арви сжалась раньше, чем он коснулся камня. Крик пришёл снова, слабее или ей так показалось, потому что теперь она его ждала. Она стояла, прижимая спину к крепи, и считала вслух для себя, как считала витки лестницы когда-то в шлеме, только здесь некуда было проснуться. Здесь была пыль на губах, тёплая фляга в руках и чужая боль, которая шла сквозь неё и уходила в породу, в соседнюю жилу, в следующую, вниз, туда, куда не шла клеть.

— Сделаем перерыв, — сказала она громко. — Можно с ними поговорить?

Инженер посмотрел на планшет.

— Десять минут. У них норма.

* * *

Бригада села на ящики у стены, на пустом конце выработ-

ки. Шахтёры сняли маски, достали из нагрудных карманов пакеты с едой и ели прямо из них, выдавливая пасту. Старший сел последним. Арви устроилась напротив, на корточках, потому что стоять ей было спокойнее, чем сидеть. Мару присела рядом. Тула осталась стоять.

— Отметка, — сказала Арви в канал. — Девятый. Все целы.

— Принял, — ответил Тобиаш сквозь такой треск, что его голос распадался на слоги.

— Спрашивайте, — сказал старший. — Вы ведь не про кабель пришли.

Инженер стоял у крепи, метрах в пяти, и смотрел на них.

— Вчера наверху мне сказали, что внизу кто-то ходит, — сказала Арви.

Старший кивнул, как кивают на вопрос о погоде на поверхности.

— Ну ходит, да.

— Кто?

— А не видно. — Он выдавил в рот ещё пасты и прожевал. — Но слышно, только не подумайте что мы тут кретины.

— Я точно не подумаю, а что слышно? Шаги

— Шаги... нет, — сказала женщина рядом с ним, худая, с короткими седыми волосами под каской. — Шагов никогда нет. Щёлкает. Вот так.

Она щёлкнула языком три раза, коротко, и замолчала.

— А потом как будто выдыхает, — сказал парень на край-

нем ящике. Он был младше всех и ел медленнее всех. — Длинно так. И шуршит.

У Арви холодели пальцы в перчатках.

— Где?

— За спиной, — сказал старший. — Всегда за спиной. Работает, а оно встаёт сзади и стоит. Оборачиваешься, никого. Отворачиваешься, стоит. Их просто чувствуешь.

— Иногда воздух трогает, — сказала женщина. — Вот тут.

Она подняла руку и показала на затылок — себе за ухо, под край каски.

— Как будто рядом кто-то наклонился и дышит. Только не тёплым. Никак.

— Камеры его не берут, — добавил парень. — Мы смотрели. Сидели потом, перематывали — мы есть, а его нет, будто мы психи какие. Даже думали, что тут отравлено.

Они говорили без нажима, по очереди, так, как рассказывают, где лучше обедать или у кого из бригадиров тяжёлая рука. Никто не понижал голос и никто не оглядывался. Паста у старшего кончилась, он аккуратно сложил пакет вчетверо и убрал в карман.

— Вы же тут чем-то крепким не балуетесь? — спросила Мару.

Спросила она без злобы, с интересом, и старший ответил так же.

— Неее, здесь нельзя. Контроль на входе в клеть, дуешь в трубку. Надышал лишнего, и смена уходит вниз без тебя, а

платят за неё другим. Мы то все тут за деньгами приехали.

— И не спятили, — сказала женщина. — Проверяли нас. Всех, кто жаловался, возили к врачу наверх. Врач сказал, здоровы.

— А тех двоих? — спросила Арви. — Которые отказались?

— Один наверху, на складе. Второй улетел. Сказал, пусть лучше без денег. — Старший пожал плечами. — Его тут никто не осуждает.

— Это не для отчёта, — сказал инженер от крепки.

Шахтёры на него не посмотрели.

— Когда это началось?

— После вскрытия. — Старший кивнул в сторону, куда уходил кабель. — Там внизу вскрыли пласт, ну такой, большой. С тех пор и ходит. Сначала только там, внизу. Потом здесь. Позавчера, говорят, на шестом стоял, у клетки.

— А вы? — спросила Тула. — Вы сами его боитесь?

Парень на крайнем ящике перестал жевать.

— Сначала боялись, — сказал старший. — Потом привыкаешь. Оно ничего не делает. Стоит, щёлкает, смотрит. Ну, как смотрит. Мы так думаем, что смотрит.

— Мне кажется, оно ждёт, — сказала женщина. — Но это мне кажется.

Арви смотрела на её руку, всё ещё лежавшую на колене ладонью вверх, как будто она забыла её опустить. А видела трюм «Стрижа» в красном аварийном свете и то, как одна

из фигур подняла руку и опустила её сквозь крышку контейнера, и слышала три щелчка, длинный выдох, уходящий в шелест. У неё коротко и остро кольнуло в затылке, и она не подняла руку потерять это место.

— Спасибо, — сказала она.

— Вы что-то про это знаете, — сказал старший. Он не спрашивал.

— Я знаю, откуда пришёл сигнал, — ответила Арви. — Больше пока ничего.

Он смотрел на неё ещё несколько секунд — так же, как у жилы, когда снимал маску. Потом кивнул и встал.

— Норма, — сказал он бригаде.

* * *

Наверх ехали молча. Резак за спиной снова завыл, когда клеть тронулась, и Арви закрыла глаза. Она держалась за поручень, пока крик не остался внизу, под полом, за слоями породы, и не стал тонким, как нить. Нить не рвалась. Она тянулась за клетью горизонт за горизонтом, и на пятом, где стояла первая жила, Арви ещё чувствовала её под рёбрами.

Лампы мигнули один раз, на седьмом. Браслет показал фон, потом ноль, потом нормальную цифру и больше не менялся.

— Отметка, — сказала Мару в канал, потому что Арви молчала. — Идём наверх. Все целы. Капитана укачало в кле-

ти, но она живая.

— Арви? — спросил Тобиаш. Треска стало меньше, и голос у него был целым.

— Живая, — сказала Арви. — Кабель опломбирован, ниже девятого не пускают. Бригада подтверждает, что после вскрытия пласта в выработке что-то не так. Подробно на борту.

— Принял.

Тула стояла у решётки и смотрела на неё. В тесной клетке отвернуться было некуда, и Арви смотрела на пол, на свои ботинки в серой пыли, считая решётчатые квадраты.

У шлюза верхнего горизонта их ждал Ксан, там же, где его оставили, у рамы. Когда внешняя створка начала уходить в стену, он коснулся пальцем заклёпки, а потом оглядел их всех по очереди, начиная с Арви.

— Ну как? — спросил он.

— Жилы, — сказала Мару. — Огромные жилищи воооот такие, и очень много, и еще врут все приборы разом. Тебе бы там понравилось.

Ксан не улыбнулся. Он смотрел на Арви.

— Что-то ты совсем белая.

— Укачало, — сказала Мару за неё.

Арви сняла каску. Волосы выбились и прилипли ко лбу; она не стала их поправлять. Инженер уже набирал что-то на планшете и отставал от них всё больше. Когда он поравнялся с первым люком на обратном пути, Ксан тронул заклёпку, и

створка поехала в сторону.

Арви шла последней. На ладони правой перчатки, там, где она держалась за жилу, осталась белёсая пыль. Арви стряхнула её о бедро, потом ещё раз, пока пыль не ушла в ткань. В голове у неё было уже тихо, а под рёбрами тянулась всё та же нить, тонкая и живая, и она не знала, как эту нить объяснить Тобиашу, Мару, Туле, которая всё ещё оглядывалась на неё через плечо.

На борту её ждал Тобиаш со своим «подробно». Она решила, что расскажет ему про кабель, про пломбу, про пласт и бригаду. Про щелчки тоже расскажет, потому что их слышали Мару и Тула. Про остальное она говорить не будет.

Завтра она пойдёт вниз снова.

4. Глава 4

Старый шахтёр ждал их у заброшенной вентиляционной шахты за восьмым складом — там, где проход упирался в решётку с сорванной пломбой. Шлем в этот раз был надет и застёгнут, фонарь выключен.

— Мару, Тула, Ксан, Эйсар, — Арви назвала их по очереди, чтобы он запомнил, кого ведёт. — И я.

— Пятеро, — сказал он. — Много.

— Меньше нельзя.

Он посмотрел на Эйсара — на его высокий ворот и серо-лиловое неподвижное лицо, — потом на Тулу, уже державшую фонарь в руке, и отвернулся к решётке.

— Клеть ниже девятого не ходит, это вы знаете. Но есть небольшой ходок старый, прошлого хозяина, по нему руду не возят. На схемах директора его нет. — Он потянул решётку на себя, и она отошла без звука, петли кто-то смазал. — Если спросят, вы нашли его сами.

— Спросят тебя?

— Меня спросят первым. — Он помолчал. — Я здесь сме-нами уже двадцать два года. А вот целая группа людей у нас пропала впервые. Ну бывало кто-то один заблудится, но не все. Я говорил директрисе что они там, но она запретила ходить, а один я что сделаю.

Арви слышала эту историю уже час назад — потому и со-

брала команду так быстро. Остальные же слушали матерный пересказ старика с нескрываемым интересом и волнением.

Ксан тронул пальцем заклёпку на раме решётки и первым полез в шахту.

* * *

Проход шёл вниз ступенями, вырубленными в породе, и через каждые двадцать метров прерывался площадкой с ржавым поручнем. Шахтёр спускался быстро, не держась: такие пути были для него привычными. Остальные придерживались.

— Отметка, — сказала Арви в канал. — Восьмой, идем по небольшому проходу.

— Принял, — ответил Тобиаш. — Через десять минут жду следующую.

На девятом шахтёр обошёл площадку по самому краю, где не доставала камера над дверью, и Мару повторила за ним шаг в шаг, не спрашивая. На десятом фонарь Тулы мигнул и погас. Она встряхнула его, стукнула о ладонь, и свет вернулся.

— Батарея полная, — сказала Тула. — Я проверяла.

— Здесь все полные, — отозвался шахтёр. — Потом при-
выкнете.

Браслет на запястье у Арви показывал фон, и фон вёл себя как пьяный. Сначала ноль, потом сразу треть шкалы, потом

снова ноль. У Мару, судя по ругани, опять стоял потолок.

— У меня плюс четыре, — сказал Ксан снизу. — Температура в породе.

— Плюс сорок, — сказала Мару.

— Значит, плюс двадцать два, — сказала Арви. — Примерно как на камбузе у Мика, когда он печёт.

Мару засмеялась. Звук ушёл вниз по шахте и вернулся глухим. Шахтёр обернулся, будто кто-то мог услышать смех сверху.

На одиннадцатом ступени стали мокрыми. Порода по стенам тоже изменилась, и Арви не сразу поняла, чем, пока не погасила свой фонарь на секунду. В темноте жилы проступили сами, молочными нитями, тонкими, как волос, и толстыми, в палец, и все они уходили вниз, к тому, что лежало под ними. Она включила фонарь обратно.

Под рёбрами тянуло со вчерашнего вечера. Теперь с каждым пролётом тянуло сильнее, будто кто-то наматывал на кулак нитку, привязанную к ней. Она дышала через нос, коротко, и следила, чтобы плечи не поднимались.

— Отметка, — сказала она. — Одиннадцатый. Спускаемся.

— Голос у тебя сел, — сказал Тобиаш.

— Сыро тут. Всё хорошо.

Эйсар шёл за ней. Его шагов она не слышала, но знала, что он рядом: на поворотах свет его фонаря ложился ей под ноги чуть раньше, чем она туда ступала.

Проход сужался из-за завалов, и камни растаскивали все вместе, как получится — пневматросы и газовые домкраты то помогали, то мешали. Но пробивались они быстро.

* * *

Первую смену они нашли на двенадцатом, в тупике старой выработки, куда шахтёры отошли от главного штрека после толчка. Сначала они слышали голос: кто-то считал вслух, медленно и хрипло, до шести и снова с начала.

— Это Бо, — сказал шахтёр и впервые за весь спуск побежал.

Их было семеро. Они сидели у стены плечом к плечу, на снятых куртках. У одного на коленях стояла лампа с остатком заряда, выкрученная на самый слабый свет. Считал худой мужчина с перевязанной ладонью. Когда на них упали пять фонарей, он замолчал на тройке и зажмурился.

— Дальняя спасательная служба, — сказала Арви. — Кто может идти сам?

Никто не ответил сразу. Потом женщина с краю подняла руку, как в школе.

— Трое суток, — сказала она. — Клеть встала на тринадцатом, мы поднялись сюда по штреку. Господи, мы и не надеялись... связь до второго толчка была. Нам сказали сидеть, подъёмник починят.

— Кто сказал?

Женщина посмотрела на шахтёра, узнала его и перевела взгляд на Арви.

— Диспетчер.

Мару уже раздавала из сумки воду, по полбутылки, и говорила каждому одно и то же: маленькими глотками, не торопись, воды хватит. Тула проверяла зрачки и пальцы. Эйсар обошёл сидящих по кругу, не наклоняясь близко, и остановился возле парня, который, обхватив колени, смотрел в тёмный конец выработки.

— Этот замёрз, — сказал Эйсар Туле. — Руки холодные до локтя.

— Откуда ты... — начал парень и осекся, разглядев его лицо.

— Вижу, — сказал Эйсар, снял с себя куртку и протянул её на расстоянии вытянутой руки, так, чтобы парень взял сам.

Парень взял.

— Он ходил, — сказал считавший, Бо, и кивнул в темноту. — Там, в конце. Мы слышали. Щёлкает. Мы свет ему туда не светили. Не хотели видеть.

— Никого там нет, — сказала Тула, не оборачиваясь.

— Сейчас нет, — согласился Бо.

Арви смотрела на жилы над их головами. Выработку резали здесь недавно, срез был свежий, гладкий, и молочная жила толщиной в руку уходила в свод, обрезанная, как сложенная кость. То, что тянуло под рёбрами, теперь разошлось

на всю грудь. Она отвернулась и стала считать людей ещё раз.

— Отметка, — сказала она. — Двенадцатый. Нашли семерых. Живые. Двое не ходят без помощи. Выводим.

В канале было тихо чуть дольше обычного.

— Сколько тебе нужно? — спросил Тобиаш.

— Час до девятого по проходу. Потом клеть. Предупреди Ирму.

— Ирма уже слышит, — сказал Тобиаш. — Нури освобождает трюм.

Шахтёр стоял у входа в выработку и смотрел то на своих, то назад — на штрек, откуда они пришли.

— На девятом камера, — сказал он. — Вас увидят.

— Пусть увидят, — сказала Арви. — Семерых человек под землёй увидят все. Ты можешь уйти отсюда раньше. Дорогу мы запомнили.

Он покачал головой.

— Я их поведу. Бо мой сменщик. — Он помолчал и добавил тише: — Вы им только скажите наверху, что проход нашли сами.

— Конечно сами, — уверила его Арви.

* * *

Вели по двое. Мару с Ксаном взяли первую пару и увели наверх, до площадки на одиннадцатом, где Ксан вбил анкер и повесил страховку. Потом вернулись за следующими. Тула

шла с женщиной, которая подняла руку. Та рассказывала ей про детей на третьем жилом: двое, мальчик и девочка, старшему восемь. Тула кивала и ни разу её не перебила. Эйсар нёс на себе парня в чужой куртке, когда тот встал и через три ступени сел обратно.

На площадке одиннадцатого Арви велела всем остановиться на десять минут. У двоих тряслись ноги, у Бо открылась рана на ладони под повязкой. Тула села перевязывать. Мару раздавала галеты, Ксан сидел на корточках у поручня и трогал одну и ту же заклёпку, шевеля губами.

Арви отошла к стене, туда, где кончался свет, и прислонилась лопатками. Жила в породе у неё за спиной была тонкая, в палец, и от неё шло в тело что-то вроде тепла, слишком похожее на чужую руку. Она оттолкнулась от стены и села на ступень.

Нитка под рёбрами натянулась и не отпускала. Она подобрала колени, поставила на них локти и держала плечи, держала дыхание, чтобы ни один выдох не вышел длиннее другого. Никто не смотрел. Все были заняты.

Эйсар подошёл и сел рядом, на ту же ступень, на расстоянии ладони. Плечом не касался и руки держал на коленях, длинные серые пальцы были очень красивыми в этом свете. Он ничего не спрашивал и смотрел в стену напротив, куда-то чуть выше её головы.

Арви знала, что он видит. Холодные пальцы, горячие щёки, пульс на шее, дыхание, которое она держит вручную, как

держат дверь. В рое никто не спрашивал, больно ли ей. Садились рядом, и этого хватало, и она сорок лет не могла объяснить людям, почему это лучше любого вопроса.

— Тебе тяжело здесь, — сказал он по-вейрски. Звуки у него выходили тихие, шипящие, и сверху, с площадки, они были похожи на шорох воды по стене.

— Сыро, — ответила она на том же. Язык отозвался во рту сразу, как будто она говорила на нём вчера. — И душно.

Он не стал возражать. Вейры не возражают, когда ты не хочешь говорить.

— Мы спустились глубоко, — сказал он чуть погодя. — Ты не одна тут внизу.

Она повернула голову. Узор у него на шее, от уха к ключице, светился тёплым янтарём, ровным и сильным, каким она не видела его ни разу за три года. Свет уходил дальше, в расстёгнутый ворот, и узор горел и там.

В рое так светились, когда держали на коленях ребёнка. Или когда кого-то очень ждали.

Она ничего не сказала. Он тоже. Знал, что она видит, и не стал прятать шею, не стал ничего объяснять, потому что объяснять это не нужно, об этом можно только молчать.

На площадке Мару громко спросила у Бо, кто на их горизонте варит самый плохой кофе, и Бо, подумав, назвал какую-то Хельду, и все шахтёры, даже те, у кого тряслись ноги, засмеялись. Мару смотрела на Бо. Тула смотрела на повязку. Ксан смотрел на свою заклёпку так, как будто она была

интереснее всего на двенадцати горизонтах. Никто из своих не повернулся в сторону ступени, где сидели Арви и Эйсар, и это было самое вейрское, что она видела от людей.

Тянуть под рёбрами не перестало, но дышать стало легче. Она дала выдоху выйти длинным, каким он хотел.

— Спасибо, — сказала она по-вейрски.

У вейров за такое не благодарят. Он чуть повернул голову, на полградуса, и она поняла, что ему смешно.

— Люди, — сказал он.

— Ты сам среди нас живёшь.

— Живу, — согласился он и первым встал, чтобы ей не пришлось вставать первой. — Парню пора идти. Он опять мёрзнет.

* * *

До девятого дошли за сорок минут. На площадке у клетки, под камерой, шахтёр снял шлем, чтобы его было видно, и Арви поняла, что он решил это ещё внизу. Клеть поднялась без остановок. Наверху, у шлюза верхнего горизонта, их ждали двое из диспетчерской, тележка с водой и Нури с носилками, который ухитрился одновременно ругаться и считать пульс.

— Сотина просила передать, что проход был закрыт на обслуживание, — сказал диспетчер. Сказал он это виновато глядя на шахтёров.

— Передайте ей, что он теперь открыт, точнее раскопан заново — сказала Арви. — Эти люди поедут к нам в медотсек. Потом пусть приходит, поговорим.

Она пересчитала семерых ещё раз, уже на свету.

— Ведите их на борт, — сказала она Нури. — Я пойду с ними, Ирме нужна подпись на приём. Мару, внизу остались анкеры и страховка, резак на одиннадцатом. Заберёте?

— Заберём, — сказала Мару. — И отметим штрек на завтра, чтобы не искать заново.

— Сорок минут. Отметка каждые десять. Тобиаш поднимет, если нет.

— Знаю, знаю.

Ксан тронул заклёпку у люка клетки. Тула закатила глаза («ох уж эти тики») и прошла мимо него первой. Эйсар вошёл последним и повернулся лицом к решётке. Узор у него на шее был уже тусклым, тёмным, почти незаметным, как у всех вейров в покое.

Клеть ушла вниз.

* * *

На «Стриже» было тепло и шумно. Нури положил двоих в медотсек и посадил остальных в кают-компанию на лавки. Мик уже ставил перед ними миски с чем-то горячим, от чего пахло луком и перцем. Бо ел медленно, одной рукой, и смотрел на Мика так, будто тот был чудом природы.

— Ешь, — сказал Мик. — Кончится, ещё сделаю.

— Трое суток, — сказал Бо. — Трое суток я считал до шести. И потом заново.

— Почему до шести?

— До семи сбивался.

Мик кивнул так, будто это был самый разумный ответ на свете, и подложил ему хлеба.

Ирма расписалась, Арви — следом. Ирма посмотрела на неё поверх очков и ничего не сказала, но и не отпустила, пока Арви не выпила при ней стакан воды. Потом Арви поднялась в рубку.

Тобиаш сидел у телеметрии. Четыре маркера светились на схеме станции столбиком, как бусины на нитке: одиннадцатый горизонт, ходок, ниже площадки. Маркеры мигали, пропадали на секунду и возвращались. Так было и вчера.

— Мару передала отметку две минуты назад, — сказал Тобиаш. — Страховку сняли, спускаются к двенадцатому за резакom. Тула говорит, что Ксан задерживает всех своими заклёпками.

— Тула вечно недовольна.

— Тула вечно права, — сказал Тобиаш, и в голосе у него было почти удовольствие.

Арви села в своё кресло, подобрала ногу. Внизу кто-то из шахтёров засмеялся, и смех дошёл до рубки по коридору вместе с запахом лука. Она подумала, что Мик сейчас тоже счастлив, по-своему, потому что кормит семерых благодар-

ных едоков. Подумала, что надо будет сказать Сотине про диспетчера. Подумала, что вечером спросит Эйсара, откуда он родом, какой у него был рой, где стояло дерево. За три года она ни разу не спросила. Вейры о таком не спрашивают, но она ведь человек, ей можно.

Под рёбрами всё ещё тянуло, но слабее, словно издалека. Пол под креслом дрогнул.

Толчок был короткий, глухой, как будто в корпус станции снизу ударили кулаком. На полке звякнула кружка, внизу оборвался смех.

— Мару, — сказал Тобиаш в канал. — Отметку.

Треск. Маркеры на схеме мигнули все четыре разом и пропали. Потом вернулись три.

— ...вод! — голос Мару, рванный, с треском. — Тула! Ту... Треск.

Арви смотрела на схему: три маркера на двенадцатом, у входа в выработку, стояли близко друг к другу. Четвёртый мигнул один раз чуть дальше, в самой выработке, серым, и не вернулся.

— Полоса сбоя, — сказала она. — Так было вчера. Они мигают и возвращаются.

Тобиаш не ответил. Он смотрел на то же место, что и она.

Маркер не возвращался. Под ним на схеме горела сухая строка: «Эйсар. Связь потеряна. Жизненные показатели: нет данных». Потом строка сменилась. Арви знала, на что, — сама настраивала этот экран шесть лет назад, — и всё равно

прочла её дважды.

— Мару, — сказала она в канал. — Мару, отвечай.

— Здесь, — голос был ровный, неправильно ровный. — Свод сел над выработкой. Тула живая. Ксан живой. Эйсар под породой. Мы копаем.

— Иду вниз.

— Капитан, — сказал Тобиаш.

Она уже была у двери.

* * *

Его подняли через два часа, когда шахтёры с девятого пришли с домкратами и откатали плиту, которую пятеро спасателей не могли сдвинуть руками. Шли все, кто был наверху: старый шахтёр, Бо с перевязанной рукой, которого Нури не смог удержать, и ещё десяток из других смен, о которых Арви даже не знала. Никто их не звал. Никто не спросил, можно ли.

Мару рассказала, как было, коротко, пока ждали домкраты, и больше не рассказывала: Тула стояла у резака, свод над ней дал трещину, пошла пыль, а Эйсар был в трёх шагах. Он толкнул её обеими руками в грудь, так сильно, что она пролетела до входа в выработку и ударилась о крепь, и свод сел на то место, где она стояла, и на него.

— Обеими руками, — сказала Мару. — Он её коснулся. Больше она ничего не сказала.

Тело несли на носилках вверх по ходку, по очереди, меняясь на каждой площадке. Спасатели своих не оставляют, и шахтёры тоже, оказалось, не оставляют, и никто из них не задавал вопросов. Мару накрыла лицо Эйсара своей рубашкой, пыльной и серой. Узор на шее не светился. Под рубашкой его не было видно, и Арви была за это благодарна.

Тула шла рядом с носилками. Она не несла, её не пускали, потому что у неё была рассечена голова и кровь засохла до подбородка. На площадке одиннадцатого Ксан протянул ей воду. Она взяла бутылку, подержала и не открыла.

— Тула, — сказала Арви.

Тула посмотрела на неё. Открыла рот, закрыла. Губы шевельнулись, и ничего не вышло, ни звука, как у человека, который забыл, как это делается. Она поставила бутылку на ступень и пошла дальше вверх, держась рукой за стену.

У решётки восьмого склада Ксан тронул заклёпку на раме и замер, не убирая пальца.

— Я сегодня трогал, — сказал он. — Утром. И там, внизу. Два раза.

— Знаю, родной, — сказала Арви. — Я видела.

Он убрал палец и прошёл в проход, не оглядываясь.

На борту Ирма ждала у шлюза. Она посмотрела на носилки, на Тулу, на Арви, сняла очки со лба и убрала в карман халата. Мик стоял за ней в коридоре, в серо-зелёном свитере, с полотенцем в руках. Шахтёры в кают-компании молчали. Парень, который был в куртке Эйсара, стоял у стены, держал

её сложенной и не знал, кому отдать.

Арви поднялась в рубку, потому что кто-то должен был закрыть отчёт по выходу. Схема на экране была пуста. Три маркера погасили штатно, у шлюза, когда Мару, Тула и Ксан сняли браслеты. Четвёртая строка стояла внизу, серая, и её нельзя было убрать без подписи капитана.

Она поставила подпись. Строка ушла.

5. Глава 5

На пересменку Арви пришла первой и первым делом посмотрела в угол.

Там, между концом поручня и шкафчиком с кружками, был голый кусок стены с потёртой краской на уровне плеча. Три года в этом углу стоял Эйсар, держал кружку в длинных серых пальцах и смотрел на всех сразу, ни с кем не встречаясь глазами. Пятно на краске осталось от его спины. Арви раньше его не замечала.

Мик стоял у плиты и резал хлеб. Нож ходил ровно, ломти ложились один на другой. Он не обернулся, только сказал в сторону разделочной доски:

— Чай и мед на столе.

— Спасибо.

Она села на своё место, спиной к рубке, лицом к углу. Можно было бы пересесть, но она не стала.

Бажена пришла второй. На пороге она на полшага задержалась, потом прошла вдоль стены по той же дуге, что и все эти годы: плечом от угла, мимо, к лавке. Села, выложила перед собой записку для Гвидо и ручку и больше ни на кого не смотрела.

Пиц вкатился следом, забрался на лавку коленями и сразу потянулся тремя руками к хлебу, к мёду и к кружке Бажены, а четвёртой ухватился за край стола. На полпути он замер и

медленно убрал руку от кружки.

— Это твоя, — сказал он Бажене.

Гвидо вошёл из коридора правой смены, широкий и за-
спанный, и двинулся к столу по прямой — так он ходил, ко-
гда в углу никого не было. Он задел плечом пустой воздух
у стены, там, где раньше стоял бы Эйсар, и остановился. От-
ступил назад, будто наступил кому-то на ногу. Потом постоя-
л, соображая, и всё-таки обошёл угол по дуге, медленно и
тщательно, чтобы не ошибиться второй раз.

От этого Арви стало хуже, чем от самого угла. Гвидо сел
рядом с Баженой, она не глядя подвинула ему записку, он
прочёл и ничего не написал в ответ.

Ксан встал у своей заклёпки. Заклёпка была в полумет-
ре от угла, и Ксан, касаясь её пальцем, каждый раз задевал
взглядом пустое место. Сегодня его тик дал сильный сбой:
он коснулся и так и остался стоять, прижав палец к металлу.

Мару села напротив Арви. Лицо у неё было спокойное.
Нури пришёл с Ирмой. Он придержал для неё дверь, прошёл
по дуге, сел и положил ложку на стол.

Тобиаш и Тула пришли последними. Тула шла впереди и
не обошла угол. Она прошла прямо через то место, где он
стоял, с таким лицом, будто ей обещали, что там кто-то есть,
и она хочет в этом убедиться. Повязка на голове у неё была
свежая, Нури перевязывал утром.

Пиц, который как раз слезал с лавки за солью, обошёл угол
по широкой дуге. Тула развернулась к нему.

— Там никого нет, Пиц. Можешь ходить прямо.

Пиц застыл с солонкой.

— Я знаю.

— Тогда чего ты кружишь?

— Ноги кружат, — сказал Пиц. — Я им не говорил.

Тула села, упёрла локти в стол. Тобиаш сел рядом с ней, как садился всегда, прямо и неторопливо, и поставил перед ней кружку. Тула отодвинула её ребром ладони.

— Не надо.

Тобиаш не ответил и кружку не забрал. Положил руки на стол и остался сидеть.

Гвидо приподнялся и опёрся о стол, чтобы дотянуться до хлеба. Хлеб лежал у Мика на доске, у самого угла, и Гвидо пошёл за ним вокруг стола, по дуге. Тула сказала ему в спину:

— Ты-то можешь хоть раз пройти по-человечески?

Гвидо остановился, потом вернулся на место без хлеба. Мик молча принёс доску и поставил её посередине стола.

— Все будут ходить как ходили, — сказала Арви. — Кому как удобно.

— Удобно, — повторила Тула. Она подняла на Арви глаза, злые и мокрые. — Тебе удобно? Ты же у них выросла, капитан. Скажи тогда, что это у них значит. Он меня двумя руками толкнул. Мару видела.

Мару кивнула, не глядя.

Арви знала, что это значит, и знала, что Тула, конечно,

тоже в курсе: весь корабль три года знал, что Эйсар никому не позволяет себя коснуться, и именно поэтому старательно обходил его по дуге, словно свежавыкрашенную скамейку.

— Так-то у вейров прикосновение — обещание, — тихо, почти извиняясь за чужие обычаи, проговорила Арви. — Только тебя он просто спасал, ты же помнишь, что он был в первую очередь спасателем, и только во вторую связистом.

Тула сжала губы, взяла кружку, которую сама же отодвинула, и выпила чай залпом, будто это чай был во всём виноват. Тобиаш, невозмутимый, как переборка, так и сидел рядом — его плечо было в сантиметре от её, и она, вопреки своему настроению, не отодвигалась.

Арви смотрела на пятно на краске. На Тиине, когда кто-нибудь в рое злился или боялся, узор темнел у всех сразу, и она маленькой думала, что так и выглядит семья: один цвет на восьми шеях. На «Стриже» узор был один, у Эйсара. Когда она злилась, он, наверное, тоже темнел. Она ни разу не спросила. На двенадцатом горизонте он сел рядом с ней и ничего не спрашивал, узор светился у горла янтарём, а она думала про жилы в породе и принимала его поддержку как что-то само собой разумеющееся, на что и внимания обращать не нужно.

Последним явился Ленни, за семь минут до конца своей смены, как всегда. Экзоскелет щёлкал на ходу, лохматая голова почти задевала светильник. Обычно он вставал у торца стола, опираясь ладонями, подальше от Йоны и ровно так,

чтобы её видеть. Йона сидела с краю, в тёмной куртке, с об-
ручем гарнитуры на шее, и смотрела в тарелку.

Ленни прошёл мимо торца. Он обошёл угол, почти не за-
метив его, подошёл к лавке, где сидела Йона, и сел рядом.
В экзоскелете это было неудобно: пластины на бёдрах упру-
лись в край лавки, колени поднялись выше стола. Он устро-
ился как мог, положил длинные руки перед собой и ничего
не сказал. Ни шутки, ни улыбки, которой он улыбался всему,
что движется.

Йона подняла голову.

— Тебе так неудобно сидеть, — сказала она.

Голос был тот, эфирный, ровный и чистый. Арви за шесть
лет ни разу не слышала его на камбузе.

— Нормально, — сказал Ленни.

Йона налила ему воды из своего кувшина и подвинула
кружку. Ленни взял её обеими руками. Больше они ничего
друг другу не сказали, но в тарелку Йона уже не смотрела.

Мик вернулся к плите и загремел противнем. Мару по-
смотрела на Ленни, на Йону, потом на Арви. Арви пожала
плечами.

Тобиаш подождал, пока Ленни допьёт, и положил на стол
планшет.

— Надо возвращаться к делам, — сказал он.

Про вторую смену им сказал старый шахтёр, ещё ночью, у шлюза. Он пришёл один, без шлема, и, пока говорил, держался за край люка. Во время толчка вторая смена работала ниже двенадцатого, в новой выработке. Когда свод сел, они ушли в аварийное убежище, как положено. Убежище отвечало: по трубе воздуховода простучали номер смены и число — двадцать. Воздуха в убежище было на три недели от того часа, когда его закрыли.

— Шёл второй день, — сказал Тобиаш. — Девятнадцать суток, если они не тратят больше расчётного. Они будут тратить больше. Двадцать человек в закрытой коробке наверняка потратят больше.

— Проход? — спросила Арви.

— Завал между двенадцатым и убежищем, метров сорок породы по схеме шахтёров. — Тобиаш повернул планшет к ней. — Наши резакі на такое не рассчитаны. Переборку режут, порода их съест за смену. Нужны тяжёлые горные, с охлаждением.

— У станции такие есть.

— Есть, — сказал Тобиаш. — Под пломбой.

Ксан отнял палец от заклёпки.

— И скафандров у нас четыре, — сказал он. — Его подняли вместе со скафандром. Там нечего подгонять.

Никто не спросил, кто пойдёт пятым. Мару посмотрела на свои руки, Тула — на Тобиаша.

— Я поговорю с Базиликой, — сказала Арви.

* * *

Кабинет директора был над диспетчерской, и стеклянная стена смотрела вниз, на пульта. Сотина Базилика стояла у стекла в тёмном костюме, застёгнутом до подбородка. Кофе на этот раз она не предложила. На столе перед ней лежала распечатка, а поверх распечатки — серая пломба с номером, такая же, как на кабеле маяка. Названия на ней не было.

— Капитан Гота. Примите соболезнования. Ваш сотрудник погиб на нашей территории, компания возьмёт на себя все расходы по перевозке тела.

— Спасибо, — сказала Арви. — Я пришла про вторую смену.

Сотина кивнула, будто ждала именно этого, и подвинула к ней распечатку. Арви прочла первые строки: участок ниже девятого горизонта закрывался решением владельца в связи с непреодолимой геологической угрозой, персонал второй смены признавался невосстановимым. Двадцать фамилий шли столбиком, в конце стояла подпись Сотины.

— Невосстановимым, — сказала Арви.

— Это формулировка страховой.

— Они живые. Они стучат по воздуховоду.

— По данным диспетчерской, связи с убежищем нет, — сказала Сотина. Улыбка у неё была безупречно печальная. — Стук в породе после толчка — обычное дело. Порода садится. Я понимаю ваше желание, капитан. Правда понимаю. Но я не пошлю людей под свод, который уже убил одного спасателя. Компания не рискует.

— Я не прошу посылать ваших людей. Дайте мне тяжёлые резакИ. Мои люди пойдут сами.

— Всё оборудование нижнего участка под пломбой до решения владельца. — Сотина коснулась пломбы одним пальцем, как касаются чужой вещи. — Я не могу снять её, даже если захочу.

— А вы хотите?

Сотина посмотрела на неё внимательно и холодно, и глаза двигались отдельно от улыбки.

— Я хочу, чтобы на моей станции больше никто не погиб.

Арви стояла, держась за спинку стула. Внизу, за стеклом, диспетчер пил что-то из цветастой кружки и смотрел в пустой экран. Под рёбрами у Арви тянуло, но отвлекаться на это она не стала.

— Тогда я привезу своё, — сказала она. — РезакИ и скафандр. С Тессы.

— Тесса далеко.

— Три прыжка.

— Три прыжка, — согласилась Сотина. — И три обратно. Путь долгий, капитан, и дорогой, а ваш корабль, насколько

я знаю, в долгу. — Она сложила распечатку пополам, ровно по сгибу. — На вашем месте я бы задержалась на Тессе. Отдохнула бы. Похоронила бы своего человека. Мы отправим отчёт в Дальнюю спасательную службу, всё будет оформлено как положено, к вам не будет вопросов. Возвращаться сюда вам будет незачем.

Сказала она это так же, как говорила про компенсацию за топливо, и так же выждала ответа.

— Запишите в журнал, — сказала Арви. — «Стриж» уходит на Тессу за снаряжением и вернётся.

— Разумеется, — сказала Сотина. — Я запишу.

* * *

В рубке считали втроем: Арви, Тобиаш и Йона, а Пиц сидел на откидном сиденье у входа, подобрав ноги, и считал своё. Тобиаш выключил запись, которую ему удалось сделать, когда диспетчер втайне от Сотины подключил их к переговорам с убежищем. Связь с убежищем была, только это тщательно скрывалось.

— Три прыжка, — сказала Арви. — Пять суток до Тессы и столько же обратно. Спуск, резка, вынос — сутки, если повезёт. Значит, на Тессе меньше недели. Лучше дня три.

— Резаки в кредит, — сказал Тобиаш. — Скафандр в кредит. Стоянка за прошлый месяц не оплачена.

— Я знаю.

— Я говорю, чтобы это было сказано.

— Горные резакИ я найду, — сказал Пиц. — Не новые. Новые не надо, новые дорогие, и их надо ждать. Я знаю одного в ремонтных ямах, он брал у меня аэрогрузики. Он скажет, что у него нет, а потом сообщит, что так и быть, поищет.

— А скафандр?

— Скафандр в реестре. Или человек в реестре со своим скафандром. — Пиц посмотрел на Арви, моргнул огромными глазами и замолчал, чего с ним почти никогда не случалось.

— Скафандр, — сказала Арви.

Йона вывела курс. Первая точка перехода лежала в четырёх часах обычного хода от станции.

— К-к... — начала Йона и остановилась. Потом надела гарнитуру, хотя канал был выключен, и сказала ровно: — Курс на Тессу готов. Слепой переход через четыре часа десять минут.

— Принято, — сказала Арви.

Она открыла в нижнем левом углу обзорного экрана окно служебных таймеров и поставила туда отсчёт. Девятнадцать суток, шесть часов. Белые мелкие цифры встали рядом с температурой машины. Тобиаш посмотрел на них и ничего не сказал, а грустный Пиц слез с сиденья и ушёл вниз, к своему коммуникатору.

Через четыре часа «Стриж» отошёл от «Оорт Депот». В шлюзе, пока шла расстыковка, ещё пахло чужим воздухом

станции.

6. Глава 6

Перед первым прыжком Ирма пришла к ней и положила на откидной стол носитель.

— Всё, что у меня есть, — сказала она. — Снимки, спектры, томограф, записи с «Кантипа». Оригиналы у меня, это копия. Не держи её на общем диске.

— Не буду.

— И еще про таблетки, ты уверена что принимаешь их регулярно? — Ирма подождала ответа, но не услышала его.

— Арви.

— Что?

Ирма ещё постояла у откидного стола, глядя на неё немного потерянно.

— Пришел запрос по поводу документов Ники, кто-то в департаменте миграции думает что я их подделала, — сказала она, теребя пуговицу в руках. — Я не переживаю, что меня лишат лицензии, я это переживу, но вот по поводу Ники...

— Ирма, не надо заранее придумывать проблемы, разберемся.

Ирма кивнула и ушла.

Первый переход Арви просидела в кресле, как положено. Голоса пришли, как приходили всегда, щелчки, выдохи, длинный шелест, узлы вспыхнули от поясицы до затылка, и

Мик приходил и садился рядом с водой. Когда голоса схлынули, она расстегнула ремень, отдала Тобиашу рубку и ушла в каюту с носителем.

Она начала со своих снимков. Светлое, почти прозрачное образование с острыми изломами шло вдоль позвоночника от основания черепа до поясницы и ветвилось по нервам, тонко, как изморозь. Четыре точки, где оно собиралось плотнее: основание черепа, между лопатками, поясница, под рёбрами у сплетения. Она увеличивала каждую, пока снимок не рассыпался в серую крупу, и возвращалась обратно. Потом взяла спектр камня с «Кантипа» и положила рядом со своим. Кривые совпадали так, что их можно было принять за одну.

Потом пошли открытые реестры. Реестр артефактов Тихих при Ассамблее Рукава, где у каждой находки был номер, место, дата и две строчки описания. Отчёты комиссий за шестьдесят лет. Старые статьи, половина из которых ссылалась на другую половину. Арви искала одно: на что это похоже. Где ещё что-то ветвилось так же, где в материале находили такие же изломы, где хоть раз писали, что оно растёт. Компьютер анализировал и выдавал совпадения от 60 процентов и выше. Она выписывала номера в столбик, на бумагу, потому что бумагу не мог открыть никто, кроме неё. Потом вычёркивала. Потом выписывала снова.

Второй прыжок она встретила в каюте. Пристегнулась к койке с планшетом на коленях и, когда голоса ударили, записала время. В каком узле вспыхнуло раньше, в каком поз-

же, сколько держалось. Цифры вышли кривые, рука дрожала. Она переписала их набело и положила рядом с номерами из реестра. Друг к другу они не подходили ни одной строкой.

Есть не хотелось. Про воду она вспоминала, когда начал болеть затылок, и тут же забывала. Пакет с клапаном лежал на столе нетронутый, потом его сменил другой, и она не видела, кто его положил.

Мик пришёл на вторые сутки. Постучал два раза и почти без паузы третий, как стучал всю жизнь, и вошёл, потому что её дверь никогда не закрывалась. Он держал кружку и тарелку с хлебом и сыром. Пахло чаем с мёдом и коркой.

— Ты с утра сидишь, — сказал он. — И со вчерашнего. Пожалуйста, поешь.

— Поставь.

Он поставил на стол, подальше от бумаг, и сел на край койки. Арви смотрела в снимок.

— Что ищешь?

— Не мешай.

— Арви, я не мешаю, может помочь?

— Ты сидишь и мешаешь.

Мик потёр ладонью колено. Посидел. Потом протянул руку и подвинул кружку на сантиметр ближе к ней.

— Арви, остынет.

Она отшвырнула листок с номерами, он спланировал на пол и лёг под койку.

— Я сказала, выйди! — Голос сорвался в крик, и она не

стала его останавливать. — Выйди из моей каюты. Сейчас. Мне не нужен чай, мне не нужно, чтобы ты тут сидел и смотрел, мне нужно, чтобы меня оставили в покое хотя бы на пять часов, это что, так много?

Мик встал. Нагнулся, достал из-под койки листок, положил его на стол, лицом вниз, как она любила, и вышел. Кружку он не забрал.

Арви посмотрела на открытый проём. Коридор за ним был пустой, ночные полосы горели вдоль пола. Она встала и закрыла дверь: давно не ходившая по направляющей, та со скрипом откатилась и вошла в раму. В каюте стало очень тихо, слышно было только вентиляцию и насосы охлаждения на одной ноте. Арви вернулась к столу и увеличила снимок с точкой под рёбрами.

Чай она не выпила.

Третий прыжок Арви пропустила бы, если бы не голоса. Они пришли, когда она сидела над реестром не пристегнувшись, и внезапный толчок вдавил ее в стол, а потом откинул. Когда шелест ушёл, она лежала на полу между койкой и столом и смотрела в потолок. Затылок раскалывался. Губы потрескались, и она облизнула их сухим языком.

Номера на бумаге так ничего и не сказали. Ни один артефакт в реестре не ветвился. Ни один не рос. Там, где писали про изломы, писали про камень, лежавший в земле, и ни слова про нервы. Похожего не нашлось ничего, и она не знала, считать это ответом или нет.

Арви поднялась, держась за край койки, и села. Отсчёт на планшете, продублированный с обзорного экрана, показывал четырнадцать суток и девять часов. До Тессы оставалось одиннадцать часов остывания.

Она сложила бумаги в стопку, номерами вниз, и сунула под матрас. Выдернула носитель, положила его в капитанский ящик под койкой, рядом с парализатором. Взяла с ручки двери пакет с раствором, который Ирма так и не сняла, и выпила его весь, стоя, мелкими глотками, потому что крупными не шло. Умылась в санитарной нише. Лицо в зеркале было серое, волосы торчали клоками и она собрала их заново, туго, до боли в коже.

Потом открыла дверь.

В коридоре было тепло, как всегда после прыжка, и пахло нагретым металлом. Навстречу шёл Гвидо в серой майке, с инструментальной сумкой. Он увидел её и остановился, как тогда у угла, будто наступил не туда. Посторонился к стене, пропуская.

— Капитан, — сказал он.

— Как машина?

— Остывает. Баж ругается. Значит, нормально.

Она прошла мимо него к спиче. В кают-компании, стоило ей появиться, Мару и Ксан замолчали оба разом. Мару было поднялась, Арви мотнула головой, и Мару села обратно.

В рубке сидел Тобиаш, Йона была за пилотским пультом. На откидном сиденье у входа, с кружкой, сидел Мик. Он по-

смотрел на неё снизу и ничего не сказал. Арви прошла мимо него к креслу, подобрала ногу и села.

— Статус, — запросила она.

— Остывание до рабочего предела через десять часов сорок минут, — спокойно, будто пытался загипнотизировать ее, произнес Тобиаш, — Запрос на стыковку Тесса приняла, причал в грузовом кольце. Пиц говорит, пневмо-резаки будут. Про скафандр говорит, что думает.

— Пусть думает быстрее.

— Я передам.

Йона, не оборачиваясь, сказала в выключенную гарнитуру:

— Выход к причалу через одиннадцать часов пятнадцать минут.

— Принято.

Арви посмотрела в нижний левый угол экрана. Отсчёт показывал четырнадцать суток и восемь часов. Рядом с ним температура машины медленно ползла вниз.

За спиной у неё Мик отхлебнул из кружки и поставил её на пол. Она не обернулась.

— Список закупок мне через час, — сказала она. — Картриджи на двадцать лишних тел, Ирме медпакеты по её списку, резаки, скафандр. И свяжитесь со службой на Тессе насчёт перевозки. — Она помолчала. — Насчёт Эйсара.

— Уже, — сказал Тобиаш.

Арви кивнула и открыла на своём пульте карту Тессы.

Грузовое кольцо, причалы, ремонтные ямы. Она начала считать часы от причала до ям.

7. Глава 7

Вейры Тессы жили у теплообменников, на третьем ярусе внутреннего кольца, куда люди без дела не ходили: там было жарко и влажно, как в оранжерее, и пахло мокрой корой. Коридоры в этой части станции никто не красил лет двадцать, их закрыли плетёными щитами, давно потемневшими от пара.

Все формальности Арви уладила накануне. Она говорила со старшей общины, высокой, сутулой, с узором, уходившим от шеи на щёки. Разговор шёл по-вейрски и занял четыре минуты. Старшая спросила, где он упал и кто стоял рядом, когда он упал. Арви ответила. Больше та ни о чём не спрашивала. Ни бумаг, ни подписей, ни вопроса, кто будет платить. Тело Эйсара перевезли с «Стрижа» утром, в холодном контейнере Ирмы, и Арви шла за тележкой по всему кольцу, потому что не могла отпустить его одного через шесть лифтов и два транзитных коридора.

Теперь она стояла в зале, который вейры называли просто «местом, где стоят». Круглый, низкий, с тёплым полом, без скамей и без окон. Под потолком горел рассеянный жёлтый свет, слабый, чтобы не мешать смотреть. В середине на плетёной подстилке лежал Эйсар, завернутый в тёмную ткань до подбородка; лицо оставили открытым. Мару вчера спросила, не надо ли прикрыть, и Арви сказала, что вейры не прикры-

вают лиц своим.

Экипаж пришёл весь. Арви пересчитала их, как пересчитывала людей на выходе из шахты, потому что руки и голова по-другому пока не умели: Тобиаш, Тула, Бажена, Гвидо, Ирма, Нури, Мару, Ксан, Пиц, Йона, Ленни, Мик. Двенадцать человек и она. Раньше всегда было четырнадцать.

Вейров было больше сорока. Они входили без звука, по одному и группами, становились вдоль стены и в проходах, а потом и между людьми, так что через несколько минут круг перестал делиться на своих и чужих. Высокая женщина встала за Бажену, и та, не оборачиваясь, чуть сдвинулась, освобождая ей место. Двое молодых остановились у Ленни и какое-то время рассматривали пластины экзоскелета на его плечах. Ленни стоял прямо, не опираясь ни на что, хотя опереться очень хотел — Арви знала это по тому, как он держал руки.

Никто ничего не объявлял. У вейров не бывает начала, которое кто-то объявляет. Старшая подошла к подстилке и села рядом с телом на пятки. Остальные стояли.

Арви предупредила экипаж ещё на борту: говорить нельзя, ни шёпотом, ни в канал, трогать тело нельзя, уходить до конца нельзя, а когда будет конец, станет понятно. Нури тогда спросил, петь тоже нельзя, и Ирма посмотрела на него так, что он замолчал и больше не спрашивал.

Теперь молчали все.

Сначала это было тяжело. Люди стоят молча с неловко-

стью, переминаются, кашляют в кулак, ищут глазами, куда деть взгляд. Гвидо дважды поправил ворот. Тула скрестила руки, потом опустила, потом снова скрестила. Мару смотрела на лицо Эйсара так упорно, будто собиралась держать его взглядом, как держала страховку. Мик стоял у дальней стены, почти сложившись под низким потолком, и на Арви не смотрел. Ещё на «Стриже» они договорились без слов, что поговорят потом, и она была ему за это благодарна.

Пиц стоял рядом с Ирмой. Все четыре руки он держал перед собой, сцепив пальцы попарно, и не шевелил ими. За одиннадцать лет Арви ни разу не видела его без движения дольше минуты. Он смотрел на Эйсара огромными тёмными глазами, моргал редко и медленно, и губы у него были сжаты так, что их почти не было видно. Однажды он глубоко вдохнул, будто собрался что-то сказать, и Арви приготовилась к этому, но он выдохнул и промолчал.

Потом она увидела узоры.

У вейров вдоль стены они горели по-разному, у каждого своим тоном, неровно, как угли. Кто-то пришёл из дома, кто-то с работы, у одного были ещё мокрые руки. А за несколько минут молчания эти оттенки начали сходиться. Медленно, от середины к краям, будто теплом передавали из рук в руки. Тёмно-медный, почти бурый цвет, каким на Тиине горели шеи у всего роя, когда кто-то уходил. Сорок шей у горла, сорок пар ключиц в одном тоне. Она его не видела двадцать два года и узнала сразу.

Тепло шло ровно, как от печки в тёплой части дерева. Арви стояла внутри него и понимала, что её тоже видят. Горячие веки, сжатые кулаки, пульс на шее, дыхание, которое она последние дни держала за зубами. Все сорок видели это, и никто не сделал к ней ни шага: взгляды касались её мимоходом и возвращались к подстилке, и ни одна голова не склонилась в её сторону с участием. Её видели и оставляли ей её, и от этого разжались сначала кулаки, а за ними и челюсть — Арви даже не знала, что сжимала её с самого Оорт Депота.

Здесь не нужно было говорить, что она в порядке. Не нужно было объяснять, почему она подписала строку о потере связи, почему решила лететь за резаками, почему за четыре дня спала в общей сложности часов семь. Никто здесь не собирался об этом спрашивать. Она поняла, что можно просто стоять, и простояла так долго, что перестала считать людей.

Движение у входа она заметила краем глаза. Плетёный щит отошёл, и вошла Ника, держа за руки Лесуса и Мирину.

Арви звала её вчера по связи, коротко, между двумя разговорами со службой, и не была уверена, что та придёт. Ника видела Эйсара на «Стриже» от силы дней десять, хотя они успели немного пообщаться, и он помогал ей освоиться. Но на Нике была тёмная блузка, застёгнутая под горло, волосы убраны за уши, и детей она, видимо, всю дорогу инструктировала, потому что Лесус шёл на цыпочках, а Мирина прижимала палец к губам.

Ника огляделась, увидела экипаж и пошла прямо к ним.

Бажена, не сказав ни слова, отодвинулась, и Ника встала между ней и Мару, плечом к плечу. Мару едва заметно кивнула ей, как кивают на пересменке. Нури опустил глаза на детей, подмигнул Мирине, и та вытаращилась на него поверх пальца.

Арви смотрела на неё, и первое, что она заметила, была спина. У Ники всегда была прямая спина, держалась она при этом так, будто в любой момент её могут попросить выйти. Сейчас спина была прямой по-другому. Ника стояла среди людей, которые были ей рады и которые знали, как её зовут и как её дети любят кашу, и поэтому держать спину ей было не нужно. Это была спина расслабленного человека.

Лесус выдержал минут десять, потом начал дёргать сестру за рукав и показывать глазами на вейров. Мирина отмахивалась. Один из молодых вейров, стоявший за ними, посмотрел на мальчика сверху, и его узор на мгновение посветлел. Лесус замер с открытым ртом. Вейр снова перевёл взгляд на подстилку, а Лесус ещё долго не мог отвести от него глаз и стоял тихо, как не стоял, наверное, ни разу в жизни.

Мирина через какое-то время устала и прислонилась к матери боком. Потом нашла, где сесть, прямо на тёплом полу, у ног Ники, и сидела там, обхватив колени, и никто её не поднимал. У вейров детям позволено сидеть и ходить где угодно, и Арви видела, что старшая заметила девочку и что узор у неё не изменился ни на тон.

Время шло. Сколько, Арви не знала и не хотела смотреть

на браслет. Затекали ноги. Тепло пола поднималось через подошвы. Кто-то из вейров ушёл, кто-то пришёл, и узор у новых за минуту-другую подстраивался под общий. Один раз Арви увидела, как Йона подняла глаза от пола и посмотрела на Ленни. Ленни, похоже, этого не заметил, потому что смотрел прямо перед собой. Потом Йона снова опустила взгляд.

Тобиаш простоял всё время, не двигаясь, руки вдоль тела, как в строю. В какой-то момент Арви увидела, что Тула стоит уже не рядом с ним, а у самого края подстилки, в шаге от лица Эйсара. Когда она туда перешла, Арви не заметила. Тула смотрела на него, не моргая, с тем злым лицом, которое у неё бывало перед выходом в плохое место. Никто из вейров её не остановил. Арви тоже осталась там, где стояла.

Конец действительно стал понятен сам. Старшая поднялась с пятки, медленно, опираясь рукой о пол. Узоры по кругу стали гаснуть, так же от середины к краям, пока шеи снова не стали просто серо-лиловыми. Четверо вейров подошли к подстилке, взялись за её края и подняли. Эйсар лёг у них на руках легко, как будто весил меньше, чем весил. Они понесли его к дальнему выходу, туда, куда людей не звали, и круг раздвинулся, пропуская их.

Когда они проходили мимо, Арви слышала короткий звук: это Пиц разжал пальцы и выдохнул.

Плетёный щит закрылся за ними. Никто не сказал «всё». Вейры стали расходиться по одному. Старшая, проходя мимо Арви, на секунду остановилась, посмотрела не на неё, а

чуть выше её головы, как смотрел когда-то Эйсар, и пошла дальше.

В коридоре, где снова пахло станционным воздухом и откуда-то издалека тянуло жареным тестом из портовых закусовых, люди заговорили все разом и шёпотом, будто ещё не решили, можно ли уже громко.

— Я думал, я не выдержу, — сказал Пиц. Голос у него сел. — Я думал, у меня рот сам откроется. Я считал в уме. Я досчитал до четырёх тысяч и сбился.

— Выдержал же, — сказала Бажена.

— Выдержал.

Он взял её за руку, одной из нижних, и она не стала отнимать.

Ника шла рядом с Арви и держала за руку Мирину. Лесус бежал впереди и всё оглядывался на плетёные щиты.

— Они всегда так? — тихо спросила Ника. — Совсем ничего не говорят?

— Всегда. Им кажется, что если начать говорить, то станешь меньше рядом.

Ника подумала.

— Когда хоронили маму, у нас говорили два часа. Все подряд. Я потом неделю не могла вспомнить, как она выглядела, только эти речи. — Она поправила Мирине воротник. — А тут я его помню. Как он носил какое-то оборудование и всегда уступал дорогу детям.

Арви только кивнула: говорить ещё не очень получалось.

— Спасибо, что позвала, — сказала Ника. — Я не была уверена, что мне туда можно.

— Тебе можно, — сказала Арви, и Ника улыбнулась, коротко, одним углом рта, и поймала Лесуса за шиворот у самого края транзитной ленты.

* * *

Сообщения из банка Арви не открывала пять дней. Она знала, что там будут цифры, и знала, что от этих цифр захочется лечь на пол каюты, поэтому откладывала их на потом, а потом всё время находилось что-то важнее.

Открыла она их вечером того же дня, в рубке, одна. Мик ушёл к Аюде ужинать и обещал вернуться к ночи, Тобиаш спал перед сменой. Кресло второго пилота пустовало, дежурный пульт мигал зелёным. Она пролистала уведомления, не вчитываясь, до вкладки с балансом, и остановилась.

Первое поступление было за «Лейник». Его они ждали четыре месяца, и Арви давно перестала надеяться: заказчик тянул, страховая заказчика тянула, и Пиц дважды грозился продать им что-нибудь незаконное, чтобы хоть как-то компенсировать. Теперь деньги пришли целиком, да ещё с неустойкой за просрочку — Арви и забыла, что такая прописана в договоре.

Второе было с Оорт Депота. Она прочитала название от правителя три раза. Горная компания с чужим названием,

которую представляла Сотина Базилика, перевела выплату за вывод семерых сотрудников с двенадцатого горизонта. По формуле, стандартной для частных станций: столько-то за человека, столько-то за нетранспортабельных. Двое не ходили, за них было отдельно. Сумма оказалась больше, чем Арви рассчитывала получить от станции когда-либо в жизни. Она представила, как Сотина с безупречной причёской подписывает эту бумагу, потому что контракт страховой не оставлял ей выбора, и засмеялась в пустой рубке, громко, сама этого не ожидая.

Третье было от Дальней спасательной службы. Её страховой пул покрыл весь рейс к планетоиду по коду «отклик на сигнал бедствия неустановленного формата». Официального запроса не было, была сводка на браслете с прочерками, и Арви летела туда, почти не думая о том, как потом будет отчитываться. Кто-то в службе, увидев семерых живых и один погибший экипаж, решил, что этого достаточно. Внизу, мелким шрифтом, стояла строка: «компенсация по потере члена экипажа направлена в пользу указанного получателя». Получателем Эйсар три года назад указал «Стриж».

Она сидела и смотрела на итоговую цифру. «Стриж» никогда за одиннадцать лет не видел столько сразу. Можно было заплатить Пицу за резак без его обычных схем. Можно было купить два скафандра новыми, а не из чьего-нибудь списания. Можно было взять регенерационные картриджи на полный спасательный запас и не в кредит. Можно было

даже отдать кусок долга за корабль, но об этом она решила подумать потом.

Больше всего ей хотелось сейчас же вскочить и бежать в камбуз, но она заставила себя остаться. Деньги давали снаряжение, но не давали права. Сотина один раз уже сказала «невосстановимые», и если «Стриж» вернётся к Оорт Депоту без бумаги, она скажет это ещё раз, а потом спишет двадцать человек как потерю при аварии и опломбирует кабель ещё и на двенадцатом.

Арви вызвала дежурного Дальней спасательной службы на Тессе.

Ответила молодая женщина с тяжёлыми веками — видимо, под конец длинной смены. На экране за её спиной виднелись окно диспетчерской и чья-то забытая кружка.

— Дальняя служба, Тесса, дежурный пост. Слушаю вас.

— Капитан Гота, борт «Стриж». Я хочу оформить запрос на спасение. Место — Оорт Депот, добывающая станция за краем сети, три слепых перехода отсюда.

Женщина вбила название и нахмурилась.

— У меня по Оорт Депоту закрытый отклик. Ваш же. Семь человек выведены, один погибший в составе экипажа.

— Она подняла глаза. — Соболезную.

— Спасибо. Это другое. Ниже двенадцатого горизонта в убежище заперта вторая смена, двадцать человек. Воздуха у них было на три недели, когда я улетала. Сейчас осталось около двух. Между ними и выработкой сорок метров завала.

— Запрос от станции был?

— Нет. Директор станции отнесла их к невозстановимым. Страховая формулировка. На этом основании она отказала в допуске и в оборудовании и предложила нам больше не возвращаться.

Женщина помолчала, потом развернула что-то на втором экране.

— Связь с убежищем есть?

— Есть, через диспетчерскую станции. У меня запись разговора старпома со сменой, с отметкой времени. Могу передать. Плюс данные по завалу от шахтёров, которых мы вывели.

— Передавайте.

Арви отправила пакет. Пока шла загрузка, женщина смотрела на неё с экрана, и Арви старалась не отводить глаз, хотя больше всего ей хотелось ещё раз взглянуть на цифры в соседней вкладке.

— Невозстановимые по формулировке у нас означают, что до них нельзя дойти при текущих средствах, — сказала наконец женщина. — Если у вас есть средства, это уже не так.

— У меня будут средства. Горные резак, скафандры, картриджи. Вылет через двое суток.

— Сколько людей у вас в скафандрах?

— Четверо внизу и связист на канале. Скафандров у нас четыре, докупаем новые и запасной.

Женщина ещё раз что-то проверила, покачала головой и вбила длинную строку.

— Хорошо. Я регистрирую запрос от имени службы по данным независимого борта. Отказ директора станции прикладываю отдельным пунктом. С этим номером у вас будет официальный допуск к любой части станции, где находятся пострадавшие. Отказать вам в проходе они не смогут без объяснений, а объяснения будут уже нам. — Она посмотрела на экран сбоку. — Страховое покрытие на повторный рейс по этому номеру тоже пойдёт. Одобрение старшего поста придёт до утра, но это формальность. Он сейчас спит, я не стану его будить ради подписи, которую он всё равно поставит.

— Спасибо.

— Капитан, — сказала женщина, когда Арви уже потянулась отключаться. — Двенадцать суток на три перехода и сорок метров породы. Вы успеете?

— Если не успеем, я вам первой скажу, — ответила Арви.

Номер пришёл через минуту, длинный, с кодом поста Тессы в начале. Одобрение старшего поста, с его подписью, пришло в четыре утра, когда Арви уже спала, и разбудило её, потому что она забыла выключить звук. Она прочитала его, положила браслет на грудь и проспала до пробудки, не просыпаясь, впервые с Басилики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.